

The background of the cover is a stylized, painterly illustration. It depicts a futuristic, possibly underwater or space-based environment. A figure in a red coat and hat stands in the lower center, looking out towards a large, glowing blue structure. The scene is filled with geometric shapes, lines, and a cool color palette of blues, purples, and greys, with some yellow and red accents. The overall style is reminiscent of science fiction or cyberpunk art.

ФИЛИП РИВ

МЕЖ ЗВЕЗДНЫЙ ЭКСПРЕСС

От автора бестселлера, который лег в основу фильма
«ХРОНИКИ ХИЩНЫХ ГОРОДОВ»

Хроники Великой Сети

Филип Рив

Межзвездный экспресс

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.111-3 (73)
ББК 84(7Coe) 44

Рив Ф.

Межзвездный экспресс / Ф. Рив — «Издательство АСТ»,
2015 — (Хроники Великой Сети)

ISBN 978-5-17-103001-8

Великая Сеть – это древняя сеть маршрутов, где разумные поезда могут доставить вас в любую точку галактики. Зен Старлинг – мелкий воришка с грязных улиц, который перемещается по станциям в надежде стащить что-то ценное. Но именно за свои навыки он получает возможность навсегда избавиться от нищеты. Все, что ему нужно сделать, – это украсть одну маленькую коробку из императорского поезда с помощью Новы, девушки-моторика. Только приступив к заданию, Зен понимает: похищенная вещь не так безобидна, как он думал, а Великая Сеть – опасная паутина, из которой можно не выбраться...

УДК 821.111-3 (73)
ББК 84(7Coe) 44

ISBN 978-5-17-103001-8

© Рив Ф., 2015
© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	42
Глава 12	46
Глава 13	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Филип Рив

Межзвездный экспресс

Посвящается, как всегда, Саре.

Philip Reeve
RAILHEAD

This translation is published by arrangement with Oxford University Press
Печатается с разрешения Oxford University Press

Copyright © Philip Reeve, 2015
Railhead was originally published in English in 2015
Впервые был опубликован на английском языке в 2015 году

© А. Третьякова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Вы готовы окунуться в мир Зена? Путешествие начинается здесь...

Часть 1

Межзвездный экспресс

Глава 1

Слушай...

Зен бежал по Хармони-стрит, когда услышал какой-то звук. Поначалу слабый, он становился все четче, постепенно перекрывая уличный шум. Там, во тьме за городом, звучал голос сирены, одинокий, как китовая песнь. Именно этого своеобразного напева так ждал Зен. «Межзвездный экспресс» с грохотом несся по рельсам от станции Золотой Узел, песней оповещая о своем прибытии.

Теперь у Зена появился повод поторопиться. Нет, он не пытается сбежать, совершив преступление, а просто спешит на поезд. Он – всего лишь Зен Старлинг, худой темноволосый парень с обеспокоенными глазами и украденным украшением в кармане пальто, бегущий по Хармони-стрит, виляя из стороны в сторону, просачиваясь сквозь толпу, в которой то появляются, то исчезают пустоты. Ряды фонарей, растянутых между старыми зданиями с панорамными стеклами, били светом в лицо, когда он оборачивался в поисках преследующего его дрона.

Кто бы мог подумать, что ювелирша отправит за ним дрона? Зен был убежден, что торговцы Амберсайского базара вовсе и не против, чтобы их обворовывали, главное – не красть слишком часто в одной и той же лавке. Похоже, они решили, что мелкие кражи – невысокая цена за местечко на крупнейшем рынке восточной ветки. С незапамятных времен базар считался отличным местом для охоты среди таких, как Зен: молодых, дерзких и бесчестных, незначительных «героев» этого безграничного города.

Амберсай был главным спутником одной из планет. Ее грязно-желтый диск смотрел на шумные улицы, словно недремлющее око, но, похоже, не обращал внимания на Зена, когда тот присваивал еду или разные побрякушки из магазинчиков с открытыми витринами. Иногда владельцы магазинов замечали воришку и бросались за ним в погоню, выкрикивая угрозы и размахивая бамбуковыми палками-латхи, окованными железом, но чаще всего отставали, пробежав одну-две улицы. К тому же в толпе легко было скрыться. На базаре днем и ночью кишели люди. Не только возле кафе, баров и магазинов для взрослых, но и у прилавков ремесленников и торговцев металлом. Для последних на рынке был выделен целый район, где они продавали металлы из глубокого Космоса. В поясе астероидов, окружающем Амберсай, содержалось так много драгоценных металлов, словно это был не пояс, а дорогое ожерелье.

Так уж совпало, что именно драгоценное ожерелье Зен и стащил этим вечером. Оно утяжеляло карман и ударяло по бедру, когда парень спускался по скользким ступенькам на станцию, к которой приближался поезд.

Как правило, на столь дорогие вещи Зен не замахивался. Пара браслетов на ногу или кольцо для носа – вот что он обычно уносил после своих визитов на Амберсай. Но стоило ему увидеть украшение на ювелирном прилавке, как Зен сразу же понял: такой шанс нельзя упускать. Сама хозяйка была увлечена разговором с покупателем, который только что рассматривал это ожерелье, – она пыталась заинтересовать его другими, еще более дорогими изделиями. Охранник, нанятый ею, чтобы приглядывать за товаром, потерял бдительность и смотрел спортивный репортаж или три-ди – 3D-фильм – через гарнитуру: в ушах мужчины виднелись наушники, а стеклянный взгляд выдавал в нем человека, которому видео транслировалось напрямую в зрительную зону коры головного мозга.

Прежде чем мозг Зена осознал то, что намереваются сделать руки, парень схватил ожерелье и сунул его в карман пальто. И тут же отвернулся, пытаясь не привлекать к себе внимания и слиться с толпой.

Но не успел он пройти и двух десятков шагов, как кто-то преградил ему путь. Зен шел, опустив голову, поэтому в первую очередь на глаза ему попались массивные ботинки и красный непромокаемый плащ, перетянутый ремнем вокруг талии. Он поднял взгляд и увидел неясные контуры девичьего лица в тени капюшона. На первый взгляд Зену показалось, что это лицо юной девушки, но парень успел взглянуть на нее лишь мельком, потому что ювелирша заметила пропажу, а охранник очнулся, просмотрел запись с камеры видеонаблюдения и увидел, кто стащил ожерелье.

– Вор! – закричала ювелирша, и охранник, вооружившись палкой-латхи, стал пробиваться сквозь толпу прямо к Зену.

– Идем со мной, – сказала девушка.

Зен попытался протиснуться мимо нее, но незнакомка протянула руку и неожиданно крепко схватила его за предплечье. Парень едва не потерял равновесие, однако сумел увернуться и побежал, слыша, как за спиной охранник с латхи орет, расталкивая покупателей.

– Зен Старлинг! – окликнула его девушка в красном плаще.

Быть не может. Зен, должно быть, ослышался, ведь не могла же она знать его имя? Он припустил быстрее, пытаясь затеряться в толпе на Хармони-стрит.

В какой-то момент Зен решил, что ему улыбнулась удача, как вдруг услышал размеренный гул моторов: это оказался дрон, зависший над толпой, словно майский жук. Дрон был блестящим, внушительным, явно военным. На литом корпусе поблескивали отражения неоновых ламп, глаза-лазеры светились красным цветом. У Зена возникло неприятное предчувствие: будто под этими выпуклостями скрывается смертельно опасное оружие. Как минимум, дрон может отправить его фото и координаты в местный дата-рафт, и тогда его поймут либо копы, либо вышибалы из ювелирного магазина.

Парень изменил цвет своего старого спортивного пальто, сшитого из умного волокна, с синего на черный и стал пробиваться сквозь толпу, прислушиваясь к сладкой песне поезда.

Станция Амберсай выглядела просторной и высотной, будто огромный театр; светящиеся голубые буквы над входом гласили: «К-трасса». Усиленные громкоговорителями голоса звучно и монотонно диктовали перечень станций. Мотыльки и Монашьи жуки липли к наружным фонарям; станция кишела попрошайками, уличными детишками, бродячими музыкантами, торговцами фруктами, чаем и лапшой; водители рикш грызлись друг с другом за пассажиров. Сквозь весь этот гвалт и болтовню пробивался звук поезда.

Зен прошел через турникеты и выбежал на платформу. Экспресс приближался. Сначала из темноты показался огромный логотип с надписью «Хельден Хаммерхэд»¹, затем длинный корпус состава, покрытый блестящими красно-золотыми чешуйками. Наконец мимо пронесся ряд освещенных окон, и по бокам поезда двумя блуждающими радугами засверкали Станционные Ангелы. Несколько трейнспоттеров, стоявших рядом с Зеном, принялись показывать на них и делать фотографии, которым в итоге все равно не суждено было получиться. Зен пытался сохранить свое место в толпе среди других пассажиров К-трассы. Его так и подмывало оглянуться, но он знал, что нельзя: если дрон здесь, именно этого он и ждет – обернувшееся виноватое лицо.

Двери разъехались в стороны, и Зен протиснулся в вагон мимо потока выходящих на платформу пассажиров. Внутри пахло чем-то сладковатым, словно поезд прибыл из мира, где сейчас весна. Зен нашел место у окна, сел и принялся рассматривать собственные ботинки, керамический пол, узоры, покрывавшие обивку сидений. Он смотрел куда угодно, только не

¹ «Helden Hammerhead». Название поезда состоит из названий двух треков Дэвида Боуи (здесь и далее – прим. пер.)

в окно, хотя ему очень хотелось выглянуть в него. Попутчиками парня оказались люди, регулярно путешествующие этим поездом до работы и обратно, и несколько курьеров-моториков, чьи робомозги были заполнены информацией о делах, предстоящих на следующих станциях. Напротив Зена разместились парочка богачей-путешественников с К'мбусси или Галахаста – прекрасные, как две кинозвезды, они дремали, обнявшись. Зен подумал, не стащить ли у них сумки перед выходом, но удача уже подвела его один раз за этот вечер, и он решил не рисковать.

Состав тронулся так плавно, что парень не сразу заметил это. Только когда огни станции Амберсай остались позади, пульсация двигателей начала нарастать, а ритмичный стук колес участился, Зен решился посмотреть в окно. Поначалу было трудно различить хоть что-то в смещении бликов от вагонов и городских огней, проносающихся снаружи. А потом он снова разглядел дрона. Тот не отставал от поезда; из-под его лопастей вылетали всполохи искр. Дрон держался наравне с окном, направив свои фасеточные паучьи глаза, камеры и еще неведь какие приборы на Зена.

Затем поезд влетел в туннель, и Зен больше не смог разглядеть ничего, кроме собственного худого лица в отражении: широкие скулы, подрагивающие в такт движению вагона, и глаза – большие и пустые, словно рисунок на крыльях мотылька.

Состав ускорился. Шум нарастал, нарастал до тех пор, пока поезд с беззвучным ударом – вернее, антиударом, – не пролетел сквозь К-шлюз и все вокруг не стало успокаивающе фантастическим. На короткий миг Зен оказался за пределами Вселенной. Ему казалось, будто он падает, хотя падать уже было некуда – не имелось больше ни верха, ни низа. Сквозь глухие окна пробивался необычный свет – антисвет...

Еще один антиудар – и поезд вышел из очередного привычного туннеля и затормозил перед новой станцией. В этом мире стоял разгар солнечного дня, а гравитация ощущалась сильнее. Зен расслабился на сиденье и расплылся в улыбке. Он представил, как дрон с позором отступает и вылетает из амберсайского туннеля где-то в тысяче световых лет отсюда.

Глава 2

Буква «К» в слове «К-шлюз» происходит от аббревиатуры КН – *Kwisatz Haderech*, Квисатц Хадерах, или «сокращенный путь», если перевести на один из языков Древней Земли. Одним лишь Стражам известно, как работает эта технология. Вы садитесь в вагон, поезд проходит сквозь К-шлюз, а потом вы выходите уже на другой планете и видите, что солнце, которое светило вам всего секунду назад, превратилось в одну из крохотных точек на небе. Чтобы пролететь такое расстояние на космическом корабле, вам пришлось бы преодолеть десять тысяч лет, но К-поезд совершает такой прыжок за считанные секунды. Сквозь этот шлюз нельзя пройти пешком или проехать на автомобиле. Ни ракетам, ни пулям, ни лазерам или радиоволнам не под силу совершить такой переход. Только поезда могут путешествовать по К-трассе: старые, надежные поезда Империи, прекрасные, как барракуды, грезящие о скорости и расстояниях, странствующие из одного мира в другой.

В наши дни многие путешествуют между Галактиками столь же непринужденно, как если бы они ехали из одного района города в другой. Но Зен был из тех людей, кто еще видел в этих путешествиях магию. Этим вечером он привычно прижимался щекой к стеклу и наблюдал, как сменяются миры за окном.

Антиудар. «Таракат»: каминные трубы, изрыгающие дым, и несколько лун, зависших в небе (поезд пролетел эту станцию, не остановившись). Антиудар. «Летний Луг»: сияющие улицы за заливом; место, о котором людям вроде Зена остается только мечтать. Антиудар. «Таск»: огромные газовые планеты, чьи кольца наискось пересекают небо, словно поля гигантских шляп. На Таске тоже есть большой рынок. Может, в следующий раз Зен наведается сюда, чтобы не светить лицом на Амберсае так скоро. А может, ему стоит и вовсе на некоторое время забыть про К-трассу: и дома, в Разломе, найдется, чем поживиться.

Но парень знал, что не сможет это сделать. Его сестра Мика говорила, что Зен – обыкновенный железнодорожный фанатик, и К-трасса необходима ему как наркотик. «Может, она права», – думал Зен. Он ездил от станции к станции не только затем, чтобы поживиться интересными вещами, а потому что ему нравилось наблюдать, как меняются виды. Он наслаждался гулом туннелей и блеском шлюзов, но больше всего любил поезда, великолепные локомотивы, не похожие друг на друга. Одни суровые, другие приветливые – все они, казалось, приходили в движение благодаря той же глубокой радости, которую испытывал сам Зен, путешествуя на них.

Локомотивам было все равно, что они тащат за собой: новенькие сверкающие вагоны или потрепанные жизнью товарные. Им было безразлично, каких пассажиров перевозить, хотя ходили слухи, что в глубине души поезда – романтики, потому что они часто приходили на помощь сбежавшим влюбленным или симпатичным воришкам. Иногда на поезд мог забраться, например, убийца или банкир, удирающий с чужими сбережениями, и тогда на следующей станции локомотив вызывал полицию или просто давал определенную команду своим паукам-ремонтникам...

Пока Зен размышлял об этом, «Межзвездный экспресс» прорвался сквозь последний шлюз, и темнота длинного туннеля сменилась светом обширного депо. Грузовые контейнеры, сложенные друг на друга, напоминали городские дома без окон. На керамической плитке замелькали холодные отражения, мимо окон пролетело название станции.

Мягкий голос объявил:

– Конечная остановка Разлом. Поезд дальше не идет.

Выходя на платформу, Зен заметил парочку пауков-ремонтников, которые обшаривали крыши состава. Он подумал, не успел ли дрон передать поезду информацию о воре, пока тот еще стоял на Амберсае. Может быть, Зена вот-вот задержат, потому что он недостаточно сим-

патичен или не похож на романтика. Может, поезд проникся сочувствием к ограбленной ювелирше. Шагая по платформе, Зен представлял, как многоногие роботы прыгают ему на голову и разрывают на части своими металлическими клешнями или просто валят на пол и удерживают до прихода полиции.

Но ничего такого не произошло. Он просто позволил страхам преследовать его, как это всегда делала Ма. «Я должен следить за собой», – подумал Зен. Он знал, к чему может привести излишняя мнительность. Пауки занимались своим делом: проверяли сцепления, устраняли царапины на краске, а Зен прошел через турникеты и оказался на станции посреди небольшого скопления пассажиров, между которыми сновали взад-вперед чемоданы на колесиках; судя по лицам, никому не доставляло особой радости сходить в Разломе.

Город, где жил Зен, был той еще дырой. Дома и фабрики в Разломе нагромождались, словно многоярусные контейнеры, прижимаясь к стенам каньона глубиной в милю, а располагался город на планете Ангкат, где имелась всего одна станция, поверхность которой была выскоблена бесконечными штормами. Места не хватало, поэтому здания впикивались в каждый подходящий выступ; они жались к скалам, громоздились на мостах, тянувшихся от одной стены каньона к другой. Пропасть между ними пестрела проводами, покачивающимися неоновыми вывесками; утопала в смоге, грязном дожде, ворчании моторов воздушных такси, паромов и общественного транспорта. Между теснящимися домами тысячи водопадов с ревом обрушивались в реку далеко внизу, добавляя шума в совокупность звуков промышленной зоны. Местные называли Разлом Городом Грома.

Зену было всего десять общепринятых лет, когда он приехал сюда с Ма и Микой. До этого они жили на Сантераки, а еще раньше – на Калате, а что было до того, он даже не помнил; мог рассказать лишь о множестве миров, неясных очертаниях постоянно сменяющихся комнат и небосводов. Они обычно покидали дом в спешке, вечно бежали от людей, которые, по словам Ма, их преследовали. Но к тому времени как семья оказалась в Разломе, Мика и Зен уже начали понимать: эти люди – всего лишь дурные сны, вытекающие в реальность из воображения Ма, как и «мыслительные волны», что просачиваются сквозь окна и стены, которые она иногда видела. Так они здесь и осели, стараясь как можно лучше заботиться о Ма. Мика трудилась на фабриках, чтобы заработать денег. Зен предпочитал способы попроще.

Ладно, не такими уж и легкими оказались эти способы. Погоня на Амберсайском базаре глубоко потрясла Зена. Выходя на станции, он все еще чувствовал, как ожерелье оттягивает карман его пальто, и это показалось Зену дурным знаком. Надеясь как можно быстрее избавиться от украденного, он прошел через неоновые лужи и белый шум водопадов, а затем направился к улице, где держал магазин Дядюшка Жукс.

И не заметил дрона, следующего за ним по пятам и фокусирующего на нем камеры сквозь капли дождя и редкую толпу.

На самом деле, Дядюшка Жукс никому не приходился дядей. Да и называть его «он» технически неверно. Это был так называемый Монаший рой: колония больших коричневых жуков, собравшихся вокруг каркаса, напоминающего человеческий скелет, который они собрали сами для себя из палок, ниток и куриных костей. «Их там, наверное, миллионы», – думал Зен, стоя в маленьком темном кабинете в задней части магазина и держа в руках ожерелье. Из-под испачканной холщовой робы Дядюшки Жукса слышался шорох. В тени капюшона показалось дядюшкино «лицо» – нечто вроде осиногo гнезда, похожего на лепешку чапати с двумя отверстиями: два глаза и неаккуратный рот, в которых кишели жуки; их блестящие тела переливались в темноте. Из ротового отверстия донесся голос, создаваемый тысячами зубчатых конечностей, трущихся друг о друга.

– Стоящая вещичка, Зен. Не то что побрякушки, которые ты обычно таскаешь. – Длинные черные усики махнули Зену из прорезей в маске. Большинство Монашьих роев проводило время в бесконечных поездках по К-трассе, совершая свои причудливые миграции. Странно

было обнаружить, что один из них владеет магазином, но Дядюшка Жукс был в этом деле хорош; он умел торговаться не хуже любого человека. – Две сотни, – прострекотал он.

Это оказалось как минимум на сотню меньше, чем рассчитывал Зен, но парень устал и хотел поскорее избавиться от ожерелья. Поэтому он положил украшение на грязный прилавок Дядюшки Жукса, после чего грубая, облепленная насекомыми рука, похожая на вешалку для пальто, высунулась из-под робы и забрала драгоценность.

Зен вышел из магазина, пересчитывая туго свернутые купюры, с каждой из которых улыбался император, и направился к дому с тем же чувством, которое всегда охватывало его по завершении работы: словно он сумел ненадолго вырваться на свободу, а теперь снова возвращается в клетку.

Старлинг и не думал оглядываться, поэтому не видел, как из неоновых туманов появился дрон и оказался на крыше магазина Дядюшки Жукса. Последовала вспышка света, внутри магазина что-то быстро застрекотало, и дрон снова возник снаружи. Он висел в воздухе, пока не пришла девушка в красном плаще. Когда она подняла голову и посмотрела на дрона, двигатели механизма зажужжали. Затем он тронулся вслед за Зеном, а незнакомка отправилась за ним.

Глава 3

В то время Старлинги жили на Бридж-стрит: район с дешевой арендной платой, расположенный на одном из хиленьких навесных мостов в Разломе. Все здания здесь представляли собой биодома, выращенные из модифицированной ДНК баобаба. Они теснились на мосту, словно хмурые слоны, мечтающие уйти в теплые края. Многие уже дали семена, и на зданиях стали появляться хаотичные выступы и маленькие ненужные округлые наросты. Зен с семьей снимал квартиру на верхнем этаже одного из домов: несколько бесформенных комнат с выходами в извивающийся коридор в самых неожиданных местах. Они жили там, словно три пчелы в дубовом дупле. Вместо входной двери у них висел кусок пластикового ящика с логотипом компании, занимающейся железнодорожной перевозкой грузов с Кхурсанди.

Зен толкнул пластиковую дверь и вошел. Бледно-желтый свет падал на выцветшие ковры и стены, словно пораженные опухольями. Было время, когда его сестра Мика пыталась поддерживать уют в квартире. Она ежедневно делала уборку, пыталась украсить гостиную голографическими обоями, благодаря которым комната становилась похожа на пляж в Летнем Луге или на долину в Хрустальных Горах, если не обращать внимания на беспрестанный грохот бхангры², создаваемый соседями снизу. Но для Ма это не имело никакого значения: ее пугали как пустые стены, так и пляжи с долинами. Когда Мика решила взять дополнительные смены на работе и ей стало некогда хлопотать по хозяйству, Зен не спешил взять эти заботы на себя. Грязная посуда копилась в раковине, подоконники покрывались черными точками мертвых мух.

Когда Зен вошел, Ма испуганно посмотрела на него. Ее тонкие седеющие волосы выделялись на фоне света из окна позади нее, словно сумасшедшие карандашные каракули.

Она воскликнула:

– Ты вернулся! Я уж и не думала, что ты когда-нибудь вернешься, мне казалось, с тобой что-то случилось...

– Тебе всегда это кажется, Ма. Когда я возвращаюсь из магазина, куда на пять минут выходил за продуктами, ты говоришь то же самое.

«И однажды ты окажешься права», – подумал он. Однажды Зен наберется смелости и накопит денег, чтобы покинуть этот дом навсегда. Сядет в «Межзвездный экспресс», доедет до Золотого Узла и отправится еще дальше...

– Я была уверена, что они тебя поймали, – бормотала мать. – Те люди...

Мика вышла из своей маленькой комнатки. Она еще не успела снять серую униформу, а на лице девушки застыло угрюмое, хмурое выражение: в таком виде она каждый день ходила на работу в промышленный район. Судя по всему, Мика была не очень-то рада видеть младшего брата.

– Где ты был?

– Да так, в разных местах.

– Опять катался на поездах?

– Эти поезда тоже во всем замешаны, – вставила Ма. – А еще Стражи, Стражи видят все.

– Учитывая все, что происходит во всех известных нам мирах, Стражи вряд ли озабочены слежкой за тобой, мной и Зеном, – устало объяснила ей Мика.

Сестра была совсем не похожа на Зена. Или, может, сводная сестра – Ма так и не удосужилась рассказать детям об их отцах, а они и не спрашивали. Мика была крупная, выше Зена, с широкими бедрами и плечами, ее кожа имела более темный оттенок, а облачко черных волос пускало яростные искры, когда девушка продиралась сквозь них расческой. Она знала,

² Традиционный индийский танец, также музыкальный жанр.

чем занимается Зен во время своих прогулок через К-шлюзы, и не одобряла это, но никогда не отказывалась от денег Дядюшки Жукса. Без них они не могли бы позволить себе снимать жилье в месте хотя бы наполовину столь же хорошем, как Бридж-стрит.

– Она плохо себя чувствовала, – продолжала Мика. Девушка решила, что лучше поговорить о Ма, нежели обсуждать Зена и его воровские дела. – Мать была сильно взволнована, когда я вернулась домой...

– Нас опять выследили, – перебила ее Ма. – Они подслушивают. Через стены.

– Все в порядке, Ма, – ласково сказала Мика. Как правило, она не бывала ласковой, а наоборот, на всех злилась: на Зена, на своих сослуживцев, на фабрику, где работала, на семейные корпорации, на императора и даже на Стражей. Когда-то она принимала участие в забастовках против мото, а еще иногда Зен видел, как она хмуро вчитывается в незаконные брошюры, мечтая о восстании. Но с матерью она всегда вела себя сдержанно.

– Ничего не в порядке! – хныкала Ма. – За нами следят! Нам придется уехать отсюда...

– Никто за нами не следит, Ма, – сказала Мика и нежно опустила ладонь на ее плечи, но Ма, шипя от возмущения, шлепком смахнула ее.

Зен не знал, откуда у Мики столько терпения. Может, все дело в том, что сестра старше его и застала те времена, когда Ма еще не утратила контроль над своими фантазиями, когда за ней еще никто не охотился и стены не подслушивали разговоры. Мике просто было ее жаль. Зену тоже, но чаще всего он испытывал гнев, злился на мать за то, что вся его жизнь пошла под откос из-за ее бредовых идей. За то, что много лет она заставляла его верить в собственные теории заговора.

– Они стоят снаружи прямо сейчас! – всхлипнула Ма. – Шпионят за нами!

Зен подошел к окну и посмотрел на улицу сквозь запотевшее целлюлозное стекло.

– Ма, – начал он, – никого там...

И вдруг осекся.

Он смотрел вниз, на мост, на узкую дорогу, проложенную между двумя рядами биодомов. На дороге толпились пешеходы: рабочие дневной смены, как его сестра, возвращались из промышленного района и устало разбредались по домам, а сотрудники ночной смены неохотно шагали в обратном направлении, чтобы приступить к труду. Рикши и автомобили на магнитной подушке продирались сквозь потоки мокрых от дождя плащей, шляп и зонтов. А на противоположной стороне улицы стояла девушка в красном дождевике. Стояла неподвижно и смотрела прямо на Зена.

За секунду до того, как поезд ныряет в К-шлюз, на мгновение наступает тишина, но этот миг так короток, что его замечают только завсегдатаи железной дороги. Колеса поезда сходят с привычных рельсов К-трассы на другие: необычные, древние, гладкие, начинающиеся за шлюзом. Похожее чувство посетило Зена, когда он узнал эту девушку: мгновение тишины – и парень словно очутился в другом мире.

– Там никого нет, – сказал он, пытаясь прогнать страх из своего голоса. Зен сделал шаг назад от окна, хотя всерьез не думал, что девушка видит его, и продолжал наблюдать. Как она сумела проследить за ним? Наверное, села на тот же поезд, что и он, на Амберсае. Но нет, ведь тогда он бы столкнулся с ней на платформе в Разломе. Не может быть, чтобы это была та же самая девушка...

И тут она подняла голову, посмотрела будто прямо на него, и, хоть разобрать черты лица девушки было невозможно из-за дождя и тени капюшона, Зен понял: перед ним – та самая незнакомка.

«Идем со мной!», – сказала она тогда.

Эта девушка знала его имя.

Так кто же это? Сотрудница полиции? Наемный убийца? «Должно быть, ее подслала хозяйка ювелирной лавки», – подумал Зен. Но в этом не было никакого смысла. Он украл

всего одно ожерелье, и так же скоро, как поезд прошел сквозь К-шлюз, страховка должна была возместить хозяйке потери от кражи. Но другого объяснения он не находил. Видимо, ювелиры Амберсая начали нанимать убийц, чтобы наказать тех, кто их грабит.

Девушка перешла улицу и направилась к дому Зена.

Мика спрашивала у Ма, что они будут есть на ужин. Когда Ма становилось хуже, ей казалось, что они не могут позволить себе еду, будто воду и электричество вот-вот отключат. Она не хотела есть и не желала, чтобы ели остальные. Мика, все еще сохраняя терпение, предложила приготовить немного зеленого карри. Зен не знал, как предупредить сестру об увиденном, не привлекая внимания Ма, чтобы та не испугалась еще сильнее.

Сквозь покрытую пятнами целлюлозу окна Зен увидел, как мимо что-то пролетело. Если это не тот дрон, который пристал к нему в Амберсее, то как минимум его точная копия.

Зен упал на пол. Ма закричала. В тот же миг в пластиковую дверь постучали и кто-то крикнул:

– Зен Старлинг!

Тот на четвереньках прополз через всю комнату и скрылся в своей спальне, попутно покачав головой Мике, которая в недоумении посмотрела на него. Спрятавшись в темном углу, он замер, как ребенок, играющий в прятки. Придя в себя, Зен услышал мамины всхлипы, а потом звук открывающейся двери.

– Его здесь нет, – сказала Мика, а затем добавила: – Вы что, не видите? Вы ее пугаете!

Девушка ответила что-то, но очень тихо, и Мика снова заговорила, на этот раз более раздраженно:

– Его тут нет! Уходите! У нас в Разломе таким, как вы, не рады.

Зен осмотрел комнату. Кровать не заправлена, всюду разбросана одежда. Вещи, оставшиеся со времен детства: модели поездов, брошь, которую он в семилетнем возрасте стащил с прилавка на станции «Узел МакКью». Это была спонтанная кража, за которой последовали шесть недель угрызений совести и беспокойства. К концу этих шести недель Зен понял одну вещь, которая с тех пор помогала ему в жизни: воровать у людей вещи так, чтобы тебя не поймали, возможно.

Но, похоже, он ошибался. Возмездие наконец настигло его. Парень слышал, как мимо окна прожужжал дрон, летая кругами вокруг дома. Мика еще раз повторила посетительнице, что Зена дома нет. Ма тоже что-то кричала – Старлинг не мог разобрать, что именно, но она была зла и напугана.

Над его кроватью располагалось окно, массивное и заляпанное, как и все окна в квартире, но достаточно большое, чтобы выбраться наружу, если ты в отчаянии. Его сконструировали так, что распаивания не предполагалось, но оказалось, что открыть его все-таки можно, если как следует ударить. Окно выскочило из рамы и повисло на нескольких нитках растительного волокна.

Быстро, пока дрон не успел сделать еще один круг около дома, Зен бросился в маленький квадратный проем, за которым царил влажная ночь, протолкнул наружу плечи и бедра и выкатился на крышу. Черепицей служили модифицированные листья; толстые и кожистые, они накладывались друг на друга, как у артишока. Зен схватился за толстый кабель, повис на нем, прыгнул на крышу пониже, перескочил через узкий зазор на соседнее здание. Оттуда было нетрудно добраться до одной из опор моста и спуститься по ней вниз; по пути он оглянулся на дрон и не обнаружил его. Зен упал на сеть из микроволокна, натянутую под мостом, чтобы ловить мусор и потенциальных самоубийц, затем перевернулся и на четвереньках пополз по нему через пробивающиеся из решетки полоски света, прорываясь сквозь спутанные грязные кабели и длинные корни домов. Внизу жужжали воздушные маршрутки и упитанные дроны-доставщики. Еще ниже, на дне пропасти, освещенной окнами, бушевала в каменных берегах река Разлом.

Так Зен добрался до стены каньона и пошел вдоль нее по одной из толстых канализационных труб, примыкающих к стене. Затем спустился на уровень ниже, воспользовавшись снаружи неоновыми буквами одного из ресторанов вместо лестницы. Официанты что-то кричали, но это его совершенно не заботило. Что они ему сделают? Забыют до смерти салфетками? Зен внимательно осмотрелся в поисках дрона, не обнаружил его и побежал к магазину Дядюшки Жукса.

Дядюшка Жукс не из тех, к кому обычно обращаются за помощью. Зен размышлял над этим, пробираясь сквозь путаницу под мостом. И решил, что единственный шанс – забрать ожерелье, вернуть его на Амберсай и упасть в ноги хозяйке с извинениями.

Добравшись до магазина, Зен наткнулся на закрытую дверь.

– Дядюшка Жукс! – крикнул он достаточно громко, но не слишком, и постучал по облупившейся краске двери.

Дверь отворилась, открыв его взгляду беспорядок внутри, отчего у Зена возникло неприятное предчувствие.

Парень вошел внутрь. В задней комнате было полно дождевой воды, по стенам мелькали островки лучей от проходящего поезда – свет лился через продырявленную крышу. Дядюшка Жукс был на месте, но не совсем. На полу валялась его роба из мешковины, принадлежавшая ему бумажная маска и несколько жалких прутиков и проводов, которые когда-то служили опорами для его тела. Роба, пол, стены, мебель – все было покрыто насекомыми. По большей части мертвыми: раздавленными либо сожженными. Остальные сустились вокруг, покачивая усиками, или с тяжелым жужжанием летали по комнате, где все еще стоял запах раскаленного металла после недавней стрельбы. Монашьи жуки становились разумными только тогда, когда собирались воедино и формировали Монаший рой. Рассыпаясь, они снова превращались в безмозглых насекомых.

Это уже само по себе было плохо, но, стоя и глядя на все это, Зен Старлинг заметил кое-что похуже.

Украденное им ожерелье так и лежало на прилавке.

Значит, дело было вовсе не в краже – но он понятия не имел, в чем.

Глава 4

По пути домой Зен одолжил плащ и шляпу на ближайшей к выходу вешалке магазина подержанных товаров. Плащ оказался маловат и едва доходил до пояса, но шляпа подошла. Парень понизил опустил широкие поля, чтобы лицо оставалось в тени, и быстро вернулся на оживленную улицу, где попытался скрыться в толпе. Он решил, что девушка и дрон будут преследовать его, и убедил себя, что уводит их подальше от Бридж-стрит ради безопасности Ма и Мики.

Но на самом деле Зену просто хотелось целым и невредимым покинуть Разлом. Парень мог бы вскочить на отбывающий поезд, в Чибе пересест на Спиральную линию, затем снова пересест на О-связке в Кишинчанде – тогда его преследователи даже не успеют покинуть город, как он уже будет на середине пути к другому концу Галактики...

Но как Зен это провернет? У девушки наверняка есть друзья. Этот дрон, которого она отправила за ним в погоню на Амберсае, должно быть, прочесывает улицы. Она будет следить за станцией.

Значит, нужен план. Зен остановился ненадолго в сырой, заросшей папоротником расщелине в стене каньона, где голографические изображения Стражей нависали, словно призраки, над цифровыми святилищами. Люди то и дело отделялись от толпы и останавливались у того или иного святилища, чтобы загрузить в него электронные молитвы. Люди всегда мечтали о богах, которые будут вести их и защищать, и Стражи стали последними, лучшими, которых сумело придумать человечество. Искусственные интеллекты, созданные на Древней Земле, такие же бессмертные и всезнающие, как и боги из старых легенд.

Именно Стражи открыли К-шлюзы и помогли семейным корпорациям проложить рельсы и построить станции Сети. В былые времена они загружали собственные данные в клонированные тела и жили среди людей. Теперь они чаще всего остаются самими собой: чистой информацией, хранящейся в дата-рафтах в каждом из миров, и размышляют над масштабными вещами, которые не под силу осмыслить человеческому мозгу. Зен был уверен, что его делишки их не заинтересуют.

Вместо этого он решил обратиться за помощью к людям. Стащил одноразовую гарнитуру с тележки торговца и отыскал тихое местечко посреди святилищ. Гарнитура была сделана из дешевого пластика, но работала хорошо. Один конец устройства плотно прижался к голове за ухом, чтобы передавать звук через кости черепа. Другой – к виску, чтобы транслировать изображение напрямую в зрительный центр мозга. Зен подключился к дата-рафту Разлома, и тут же мокрая от дождя улица вспыхнула фейерверком рекламы. Старлинг моргнул, чтобы убрать ее, и отыскал сервис для отправки сообщений.

Ему хотелось позвонить Мике, но это было слишком опасно: девушка в красном наверняка будет следить за входящими сообщениями. Но к кому еще обратиться?

Друзей у Зена не было. На Сантераки осталась парочка хороших знакомых, но после переезда он так и не удосужился ни с кем подружиться. Проблема заключалась в том, что рано или поздно парню пришлось бы рассказать новым друзьям о проблемах с Ма и о доме на Бридж-стрит, а он предпочитал держать эти печали при себе. К тому же такой образ жизни очень соответствовал образу, который Зен сам себе придумал: одинокий вор, бродячий кот, идущий посреди какой-нибудь пустынной ночной улицы. Да, порой он болтал и шутил с ребятами из клуба «Брызги крови», но никому из них Зен не доверял настолько, чтобы посвящать в такие серьезные дела.

Значит, остается только Флекс. Вообще-то Флекс дружила с Мики, но, может, она не откажет в просьбе помочь ее брату? Флекс обладала именно теми навыками, которые были ему сейчас так необходимы.

Несколькими быстрыми движениями глаз он вбил ее номер, используя виртуальную клавиатуру, которая сразу же после завершения набора свернулась в маленькое окошко. Он кликнул на надпись: «Только аудио». Иконка «Соединение» мигала, казалось, целую вечность.

Наконец голос Флекс произнес:

– Да?

– Это брат Мики, – сказал Зен, опасаясь называть свое имя на случай, если кто-то следит за ним через коммуникационные сети Разлома. – Мне нужна помощь.

– Какого рода помощь?

– Я должен попасть на поезд, но не через станцию.

– Окей. – Похоже, причины такой просьбы Флекс не интересовали. – Встретимся тут.

Она скинула на гарнитуру Зена координаты. Аккумуляторный мост. Парень поблагодарил ее, снял гарнитуру, бросил в ливневый сток и поспешил прочь.

Шагая к мосту, он все время думал, не перехватил ли дрон сообщения, но, добравшись до места, увидел, что там его ждет только Флекс. Приземистая коренастая фигура, на которой поблескивала широкополая шляпа от дождя, издавала напоминала мухомор. Под верхней шляпой была надета еще одна, с висячими «ушами», и последняя вмещала в себя нелепую гарнитуру с большой линзой, закрывающей правый глаз Флекс.

Зен точно не знал, девушка Флекс или парень, но чаще всего использовал по отношению к ней местоимение «она». По ничем не примечательному темному лицу и мешковатой одежде судить было трудно, но проскальзывала в ней какая-то грубоватая нежность, напоминающая о Мике. Жила она небогато где-то там, куда выходили фабричные трубы, но иногда фабрики звали ее для покраски авто и росписи стен над их воротами. Там Мика с ней и познакомилась.

В остальное время Флекс рисовала граффити – она была одной из диких художниц, которые любят тайком пробираться в депо, чтобы оставить свои рисунки на грузовых контейнерах, ожидающих отправки, на пассажирских вагонах и даже на самих локомотивах. Обычно пауки-ремонтники успевали стереть граффити, пока краска не высохла, но, если результат радовал глаз, некоторые поезда позволяли оставить картины и щеголяли ими с гордостью, пролетая сквозь К-шлюзы. А работы Флекс были более чем неплохими. Зен не очень-то разбирался в искусстве, но глядя на рисунки, которые она оставляла на поездах, мог с уверенностью сказать: Флекс любит поезда. Сама она ни разу не путешествовала по К-трассе, зато яркие, живые творения Флекс – да. Ее животных в прыжке и странные танцующие фигуры видели люди на всех станциях Сети; подвижная выставка Флекс путешествовала по Галактике на боках благодарных составов.

Но для Зена важнее всего стало следующее осознание: раз ей так долго удавалось играть в кошки-мышки с железнодорожными охранными системами, значит, она умела добираться до поездов, минуя станции.

– Куда направляешься? – спросила она.

– Без разницы, – ответил Зен. – Подальше отсюда.

– Мика всегда говорила, что ты рано или поздно вляпаешься в большие неприятности, – пробурчала Флекс.

– Да я только ради них и живу, – сказал Зен. – И вообще, ты сама разрисовываешь поезда. Мика тебе хоть раз высказывала что-то, зная данный факт?

– Это другое. И я не ее младший брат.

– Так ты мне поможешь? – спросил Зен.

Флекс кивнула.

– Конечно. Мика однажды спасла мне жизнь. За мной должок.

Они стали взбираться вверх по ступенчатому переулку, который тянулся мимо стремительного пенящегося водопада. Сверху доносился грохот грузовых поездов. Зен гадал, как именно его сестра спасла жизнь Флекс и почему никогда даже не упоминала об этом. Но в

промышленных районах опасно, это известно всем. Люди там наверняка постоянно спасают друг другу жизнь...

Посреди лестницы Флекс остановилась. Наверное, она послала какой-то сигнал со своей гарнитуры, потому что в стене из аллеи откинулась ржавая крышка люка. Флекс подтолкнула Зена, вошла следом за ним и включила фонарь, когда люк закрылся за их спинами.

– Раньше тут была электростанция, – сказала она. – Для обслуживания какой-то старой линии, которая сейчас уже закрыта. Это один из проходов. Ведет в депо – за станцией Разлом.

Хоть идти было и недалеко, коридор оказался очень тесным и душным. По бокам виднелись темные проемы, в которых яростно шумели стесненные стенами потоки под К-трассой. В конце коридора оказалась стена с перекладинами-ступеньками, ведущими наверх, к очередному люку. Зен высунулся на поверхность, словно суслик из норы, и оказался в мертвом, поросшем сорняками пространстве между двумя путями К-трассы. Залитые ярким светом платформы виднелись где-то в пяти сотнях метров, расположенные под нависшей стеной каньона. Та часть путей, где оказался Зен, была погружена в темноту, если не считать тускнеющих Станционных Ангелов, парящих в воздухе, словно блуждающие огоньки невероятных размеров – след поезда, который только что проехал сквозь шлюз.

– Чего ты ждешь? – спросила Флекс снизу из колодца.

– Тут Станционные Ангелы...

– Они тебя не тронут.

– Знаю, – кивнул Зен.

И все же эти огни казались ему жутковатыми, хотя один уже, к счастью, угасал: Станционные Ангелы существовали недолго на таком расстоянии от шлюза. Зен вылез на поверхность и секунду постоял, глядя в сторону платформ: никогда прежде он не видел станцию с этого ракурса. Следом за ним поднялась Флекс, и они вместе зашагали через рельсы к линии припаркованных на запасном пути грузовых вагонов. Зену это начинало доставлять удовольствие. Когда-нибудь в дороге он будет рассказывать эту историю в барах или кофейнях ворам попроще. «За мной послали дрона, но я проник на К-трассу и вскочил на отходящий поезд...»

Вагоны оказались хопперами³, на них красовались эмблемы семьи Преллов – перекрещенные ключи и рисунки граффитчиков, которым было далеко до Флекса. Зен заметил, как она пробежалась взглядом по рисункам и недовольно сморщила нос.

– Мне залезть туда? – спросил он.

Флекс покачала головой.

– Жди здесь, пока не придет пассажирский поезд. Ухватишься за него, а когда доедешь до станции и двери откроются, пролезешь внутрь.

– А поезд не заметит?

– Заметит, но ему, скорее всего, будет плевать. Я знаю локомотивы, которые приходят сюда. Чаще всего это нормальные ребята. Самое худшее, что может случиться, – к тебе отправят паука. Тогда просто скажи, что ты мой друг.

– Поезд идет, – сказал Зен, слыша нарастающий гул двигателя.

Флекс подняла голову. Станционные огни осветили ее маленькое напряженное лицо.

– Это не поезд, – заметила она.

И оказалась права. Рельсы не дрожали, как обычно бывало при приближении поезда. Что бы это ни было, оно летело по воздуху.

– Дрон! – воскликнул Зен, и прожекторы устройства в ту же секунду осветили рельсы. Флекс бросила на него предупреждающий взгляд, а затем исчезла, нырнув в темноту за неподвижными грузовыми вагонами. Зен повернулся, чтобы сделать то же самое, но попал под луч

³ Саморазгружающийся вагон для перевозки сыпучих грузов.

света. И увидел собственную тень на разрисованной красками и логотипами боковой поверхности ближайшего вагона; рисунки были четкими, словно это Флекс распылила черную краску.

Зен обернулся: дрон завис в воздухе в нескольких метрах от него. Наверняка он видел, в какой проход Флекс провела Зена, выяснил, где выход на поверхность и прилетел сюда, чтобы дожидаться их на месте. Вся система камер и приборов была настроена на Зена, а изображение посылалось девушке в красном или кому-то другому, кто следил за ним.

– Ладно! – крикнул парень. – Чего ты хочешь?

Из-под панциря дрона посыпались искры. Он развернулся в воздухе, и Зен услышал треск, затем несколько резких звонков, и через несколько секунд к нему уже с криками бежали люди. Вспышки света отражались от серых дождевиков. Сперва парень решил, что это сообщники дрона, которые хотят схватить его, но потом понял – они кричат на дрона. Последний попытался выровняться, но в него полетело что-то тяжелое, он перевернулся и разбился, рухнув на рельсы. Последовала голубая вспышка, и осколки разлетелись во все стороны, словно летучие мыши. Кто-то схватил Зена, в лицо ему ударили лучи фонарей. Люди в серых плащах кричали на него, но взрыв оглушил Старлинга. Тогда его стали толкать к станции вдоль выложенной плиткой пешеходной дорожки, которая тянулась между путями.

Состав, который только что прибыл в Разлом, был не похож на обычный пассажирский поезд. Для начала, в нем не было вагонов, только длинный двусторонний локомотив, черный, еще дымящийся после прохода через К-шлюз. Трейнспоттеры на краю платформы галдели все громче – имеют право, подумал Зен. В любую другую ночь он бы стоял среди них, расталкивая всех, чтобы подобраться поближе. Этот поезд словно сошел с виртуальных картинок. Массивная, брутальная машина, шипастая, бронированная, словно динозавр; ее обшивка была усыпана турелями и ракетными установками, а на черном фоне красовалась эмблема Империи Сети.

Как в Разлом занесло военный поезд?

Глава 5

Массивный черный локомотив укрыл Зена от взглядов туристов на платформе, когда он пролез между путями, а потом взобрался по ступенькам и скользнул в открытую дверь. Он был зол, сбит с толку и втайне слегка напуган, но натура железнодорожного фанатика все еще заставляла парня чувствовать радостное возбуждение, когда он забирался на такой поезд.

Внутри оказалась белая кабина с экранами на стенах в тех местах, где у обычных вагонов расположены окна. Большинство экранов мерцали в режиме ожидания и демонстрировали императорский логотип: зигзагообразная молния, разрезающая две параллельные линии. «Видать, эти ребята из Железнодорожных войск», – подумал Зен. В народе их прозвали Синими мундирами из-за графеново-композитной брони, которую они надевали во время сражений. Вот только Железнодорожные войска обычно не интересовались маленькими ветками, если на них не происходили восстания или что-то в этом роде. И уж точно они не стали бы заниматься охотой на мелких воришек.

– Имя? – спросил его кто-то.

– Зен Старлинг.

Перед парнем возвышался человек – его лысина поблескивала в свете экранов, словно черная стойка перил, отполированная множеством рук. На темном худом лице с заостренными чертами застыло кислое выражение, тонкий шрам оттягивал угол рта вниз. Шрамы нынче увидишь нечасто: в любой самой захудалой пластической мастерской вас запросто от них избавят. Обычно те, кто с этим не спешил, имели какие-то проблемы.

– Чего вы от меня хотите? – крикнул Зен. – Я не сделал ничего плохого. Я просто...

– Если ты решил тратить мое время, то идея неудачная, – оборвал его мужчина из Железнодорожных войск. – Где Ворон?

Зен моргнул.

– Вы об ожерелье? Та девушка... она одна из вас?

– Я не про ожерелье, – сказал мужчина. – Где Ворон?

– Я не понимаю, о чем вы говорите! – с вызовом ответил Зен.

Незнакомец снова посмотрел куда-то в сторону.

– Возможно, он еще не успел вступить в контакт. От дрона что-то узнали?

– Он поджарился, – сообщил один из присутствующих. – Простите, капитан Малик. Дрон самоуничтожился, прежде чем мы успели хоть что-то из него извлечь.

Капитан Малик холодно улыбнулся.

– Ворон умеет замечать следы.

– Да что еще за Ворон? – спросил Зен.

На экранах за спиной Малика возникло мужское лицо – белое, угловатое. Светлые лица редко встречались в Сети, кожа большинства людей была всевозможных оттенков коричневого. Такое лицо Зен бы запомнил.

– Я его не знаю, – покачал он головой.

– Зато он знает тебя, – отрезал Малик. – Его моторик этим вечером вступал с тобой в контакт на Амберсае.

На экранах появились изображения с Амберсаа: зернистые голубоватые кадры с камеры охраны. На них Зен двигался между прилавками, а за ним в толпе следовала девушка в красном непромокаемом плаще. Судя по всему, она шла следом несколько минут, прежде чем попыталась перехватить его у ювелирного прилавка. От этого Зену стало не по себе, ведь обычно он чувствовал, что его кто-то преследует, но в этот раз инстинкты подвели. Так значит, она всего лишь мото? Почему-то это его слегка расстроило.

– Я с ней даже не заговорил. Она просто возникла у меня на пути, вот и все.

– Она помогла тебе сбежать с этим ожерельем.

– Она не помогала, а пыталась остановить меня. Разве она не с вами?

– Нет, – сказал Малик. – Мы пытались за ней проследить, но она испарилась. Поэтому мы выследили тебя и приехали за тобой в Разлом. Какое ты имеешь отношение к Ворону, Старлинг?

Зен пожал плечами. Он не знал. До этой ночи никто не проявлял к нему особого интереса.

– Я ведь уже сказал, не знаю никакого Ворона.

– Посмотрим. Мой дата-дайвер сейчас собирает информацию о тебе. – Малик взглянул на человека, который сидел рядом в замысловатой гарнитуре, скрывающей его глаза. – Мистер Никополь?

Человек улыбнулся; невысокий опрятный мужчина явно гордился своей работой. Дата-дайверы считались особой кастой, они не боялись покидать безопасные, защищенные бренд-мауэрами рафты и погружаться в глубины информации Моря данных. Там можно было найти все что угодно, если умеешь обращаться с тем, что там обитает.

– У Зена есть сестра, работает на нефтеперерабатывающем заводе, – сказал он. – Мать страдает от проблем с психикой. Данных об отце не обнаружено. Станция рождения не указана. Текущий адрес не зафиксирован. Прежнее место жительства Старлингов – Сантераки, та еще помойка. До этого...

Малик поднял руку, призывая к тишине.

– Я не понимаю, Зен. Ты ничем не отличаешься от миллиона других воришек этой ветки. С чего вдруг Ворон заинтересовался таким оборванцем, как ты?

Зен открыл было рот, дабы повторить, что ничего не знает. Но затем злость взяла над ним верх.

– Вы не имеете права втягивать меня во все это! Если вам нужны Ворон и та мото, то почему бы вам не заняться их поисками? Она тут, в Разломе! Ее дрон разнес Дядюшку Жукса!

– Невозможно, – отрезал Никополь. – После того, как этот парнишка приехал сюда с Амберсая, других поездов оттуда не приходило. А на том поезде ее не было.

Судя по лицу Малика, это вовсе не казалось ему невозможным. Наоборот, Январь заинтересовался.

– Где? – спросил он. – Где ты ее видел?

«У себя в квартире», – хотел сказать Зен, но осекся. Нельзя, чтобы эти Синие мундиры обрушились на Ма и Мику со своими вопросами и дронами. Ма решит, что ее кошмары воплотились в жизнь.

Малик устал ждать ответа и обратился к женщине:

– Фаиса, займись им. Введи препарат. Я допрошу его снова, когда лекарство подействует. Он говорил о сыворотке правды. Зен слышал о ней: одна доза – и ты расскажешь все.

Парень пытался сопротивляться, но Фаиса и ее товарищи оказались сильнее. Они провели Зена мимо Малика, вытолкали в узкий коридор и бросили в тесное, как шкаф, купе с полкой вместо кровати. Старлинг снова попытался вырваться, но его крепко держали.

Поезд качнулся, двигатели загудели. В стене купе было крохотное грязное окно, сквозь которое Зен увидел, как мимо лениво проплывают колонны перрона и мелькают вспышки гарнитур – трейнспоттеры спешили сделать последние снимки загадочного поезда.

– Куда мы едем? – спросил он.

Кто-то из людей Малика ответил:

– Обратно на линию. Здесь оставаться нет смысла. Ворон теперь сюда не сунется.

Женщина по имени Фаиса открыла пластиковую коробку. Поезд набирал скорость, и за окном почернело: они въехали в туннель и направлялись к К-шлюзу, ведущему из Разлома.

Фаиса вставила в шприц ампулу с прозрачной жидкостью.

– Это поможет тебе сосредоточиться и ответить на вопросы, интересующие капитана Малика.

Внезапно свет погас. Двигатели умолкли, и поезд стал замедляться. Что-то шло не по плану, ведь локомотивы обычно набирают скорость на подходе к К-шлюзу.

Человек, который держал Зена, воскликнул:

– Ох, во имя Стражей!

– Что это было? – спросила Фаиса.

Воспользовавшись заминкой, Зен принялся брыкаться, пиная черные фигуры в окружающей его темноте. Один сапог с силой ударил по чьему-то телу, и незнакомец выругался. Затем сильные руки развернули и скрутили Зена. Тот, кому принадлежали эти руки, крикнул:

– Коли!

Его рот оказался над самым лицом Старлинга – от мужчины разило амберсайским пивом. Снова послышалась возня, шипение шприца, крики.

– Да не меня!

– Прости! Прости!

– Где он?

Путаница тел, рук. Кто-то упал. Зен, извиваясь, пробрался мимо остальных, на ощупь подошел к выходу, обнаружил дверь, спотыкаясь, влетел в коридор – тут же включилось аварийное освещение, зажегся тусклый красный свет – и захлопнул дверь, пока похитители не заметили, что пленник сбежал. В воздухе пахло дымом. Двигатели поезда визжали и чихали – они словно пытались вернуться в рабочее состояние, но что-то им мешало. Дверь, ведущая в кабину управления Малика, открывалась и закрывалась с сердитым шипением. Зен заглянул внутрь и увидел на экранах одни помехи. В их бледном свете Малик тряс Никополя, который обмяк на своем кресле; под ноздрями дата-дайвера пузырилась кровь. Январ почувствовал присутствие Зена. Малик поднял голову, но не успел ничего сказать, как дверь, прошипев напоследок, захлопнулась окончательно.

Зен повернул в другую сторону. В дальнем конце коридора виднелся люк со знаком пожарного выхода. Парень поспешил к нему, надеясь, что тот не заперт.

К счастью, люк был открыт. Едва парень успел протянуть руку к рычагу, как дверца распахнулась.

– Зен Старлинг?

На путях его поджидала незнакомка в красном плаще. Она сняла капюшон, и Зен увидел, что Малик не солгал. Перед ним была не настоящая девушка, а всего лишь моторик – андроид, проводная кукла.

Она покачала головой и улыбнулась ему.

– Что ж, было весело, – сказала она. – Надеюсь, ты не сбежишь снова. В этом нет необходимости: я на твоей стороне. Мое имя – Нова.

Пока Зен пытался убедить себя, что его спасительница не галлюцинация, девушка протянула руку через люк, обхватила ладонь Зена и вытащила его из поезда Малика в прохладный мрак туннеля.

Глава 6

Зен отдернул руку. Он стоял посреди путей, оглядываясь на поврежденный поезд. Тот замер безжизненной грудой металла в слабом свете туннеля. Двигатели скрипели, визжали и глохли, снова скрипели, визжали и глохли. Иногда поезд слегка качался, словно внутри суетились люди.

– Идем, – сказала Нова. – Нельзя заставлять «Лиса» ждать.

– Какого еще лиса?

– Поезд Ворона. «Мечтательный лис». Идем.

Она вела себя не как моторик. Ни поклонов, ни улыбки по умолчанию – лишь коротко улыбнулась, развернулась и пошла к выходу из туннеля, создавая силуэт на иссиня-черном фоне. Зен последовал за ней. Мика всегда говорила, что нельзя доверять мото, но, похоже, у него не было выбора: или идти с ней, или возвращаться на поезд. А проводная кукла вела себя уж точно дружелюбнее, чем Малик.

– Если бы ты просто послушался меня тогда, на Амберсае, то не влип бы в неприятности, – сказала она.

– Твой дрон убил Дядюшку Жукса.

Девушка оглянулась на Зена.

– Мне жаль. Это был дрон «Мечтательного лиса», а его дроны иногда чересчур... увлекаются. Но тот Монаший рой не умер – его просто слегка разбросало. Но потом он снова соберется обратно.

– А что с Микой и Ма? – спросил Зен. – С ними все в порядке?

– О да! – Девушка остановилась и посмотрела на него. – Я бы не позволила «Лису» навредить им. Однако не сомневаюсь, что твоя сестра с удовольствием навредила бы мне. Она всегда так злится?

– Мика не любит моториков.

– Она назвала меня «путала», – сказала Нова. – Наверное, это какая-то грубость.

Это слово означало «манекен» или что-то вроде того на одном из языков Древней Земли. Зен расплылся в улыбке, представив, как сестра выплюнула его.

Тем временем Нова повернулась к стене туннеля. Зен не понимал, что она делает, но слышался звук открывающейся двери, а потом ему в лицо ударил затхлый воздух. Он последовал за моториком в узкий коридор с керамическими стенами и полом. Как только дверь тихонько закрылась за их спинами, на низком потолке загорелся ряд ламп. Моторик оглянулась на Зена и, похоже, попыталась приободрить его улыбкой. Лицо у нее было дешевое, стандартное, он уже встречал такое у ее сородичей: чрезмерно большие и широко расставленные глаза, слишком длинный рот. Но на ее щеках и маленьком прямом носу виднелись узоры веснушек. Кто-нибудь хоть раз видел веснушчатого моторика?

Они шли вперед. Пол стал наклоняться вниз, а туннель повернул в сторону. Стены здесь были уже не керамические с пятнами от воды, а кафельные – их покрывали тысячи плиток, похожих на квадратные ириски. Это место показалось Зену смутно знакомым. Через секунду спутники очутились в большом темном зале, и Старлинг понял, где они.

На станции К-трассы.

Зен огляделся, пытаясь выяснить, в какой части Разлома он оказался и почему тут так тихо, и не сразу понял, что это место никак не связано с известной ему станцией. Высокий сводчатый потолок – вместилище теней, сломанные часы и разбитые витрины магазинов, широкий зал ожидания, покрытый пылью и усыпанный мусором, ряды пустых кресел перед табло с расписанием рейсов, покрытым паутиной... Несомненно, это была станция, но не Разлом.

Совершенно другая, скрытая глубоко внутри скал каньона. На стенах краской по трафарету было выведено ее название, огромными буквами: «РАЗЛОМ-Б».

– Быть не может! – Голос Зена эхом отозвался в подземном зале, и маленькие невидимые существа бросились по углам, чтобы скрыться в горах мусора. – В Разломе только один шлюз. Одна линия.

– Сейчас – да, – подтвердила странная девушка-моторик. – Но раньше было два.

– Я никогда не слышал про Разлом-Б. Его и на карте Сети нет...

– Больше нет. Этот путь ведет к К-шлюзу под Остроzubыми горами. Но тот К-шлюз ведет только на Таск, и через него туда можно добраться гораздо быстрее, чем с основной станции Разлом. Эту станцию закрыли пятьдесят лет назад.

Это было похоже на правду. Пятидесятилетняя пыль и мусор под подошвами Зена. Пятьдесят лет сквозь плитку сочилась вода, оставляя на стенах пятна, выращивая сталактиты на фасадах кафе и в залах ожидания, разъедая краску. Выцветшие плакаты на стенах: напитки и фильмы, о которых он никогда не слышал. Повсюду маячили корпоративные логотипы, которых он никогда прежде не видел: «Сириус Транс-Галактик». Старье. Антиквариат. Все это стоит недешево. Коллекционеры предложили бы неплохие деньги за такие железнодорожные реликвии.

Но Зен понимал, что подобные мысли слишком мелочны, когда речь идет о таком месте. Целая затерянная станция! Разумеется, он сумеет придумать более хитрые способы извлечь из этого выгоду, нежели просто надергать раритетов и продать их на Амберсайском базаре...

Он последовал за Новой в арку и оказался на платформе. За ней виднелись и другие платформы, рельсы между ними поблескивали в темноте. Когда-то это место было оживленным. Зен подумал, почему никогда прежде об этом не слышал, но в Разломе воспоминания подолгу не хранятся: народ хватается за краткосрочные контракты, зарабатывает, сколько может, а потом двигается дальше. Люди не склонны болтать о местной истории. Зен вспомнил, что Флекс как-то упоминала заброшенную линию. Может, она бывала здесь. Но Флекс была не особо разговорчива.

Они прошли по пешеходному мостику мимо экранов, на которых когда-то показывали информацию о времени прибытия и пунктах назначения. Под подошвами хрустели сухие листья. Фонари постепенно загорались: заросшие травой и изголодавшиеся по электричеству, они делали все, что было в их силах, как только распознавали движения Зена и Новы.

Под мостом парень увидел составы – старый локомотив Фоссов и парочку других, которые он не мог опознать. Мертвые поезда на мертвой станции...

Нет, не все были мертвыми. В одном из них горел свет, пробиваясь сквозь щели в шторах на окнах вагона и жабы вентиляции по бокам. Зен расслышал слабое урчание ожидающего двигателя, когда Нова повела его вниз по ступенькам к платформе. Локомотив представлял из себя обтекаемый черный силуэт, тут и там покрытый загадочными буквами и цифрами, усыпанный заклепками, паровыпускными окнами, каркасами мощных колес. Огромный двигатель гудел на холостом ходу где-то внутри, словно сердце.

За локомотивом стояли три вагона: двухэтажные, массивные и замысловато сконструированные, но старые; такой подвижной состав Зен видел только в исторических фильмах.

– «Лис»? – окликнула Нова, и ее голос эхом отозвался от платформы. – У нас новый пассажир.

Поезд остался неподвижен, только паук-ремонтник вылез из люка в обшивке и направил камеры на Зена. Одна из дверей вагонов отъехала в сторону, и от потока воздуха еще больше маленьких сухих листьев, перешептываясь, зашуршали по поверхности платформы. Как железнодорожный фанатик, Зен испытывал благоговение перед этим странным поездом и даже не задался вопросом, откуда листья взялись здесь, внизу.

– Это – «Мечтательный лис», – пояснила Нова и похлопала по огромному корпусу локомотива одной рукой, а другой махнула Зену, чтобы тот шел к первому вагону. Он тоже дотронулся до поезда. Кончики пальцев легонько коснулись старого керамического покрытия, слоистого и рельефного, как панцирь черепахи.

– Какая красота!

Локомотив издал звук – всего лишь шум охладителя где-то глубоко в моторном отсеке, но похоже было на предостерегающий рык. Зен отдернул руку и заглянул внутрь первого вагона: из-за элитного интерьера в искусственном свете все выглядело словно картинка из рекламы. Никаких кресел, никаких багажных полок. Напоминало... как же ее называют? Карету. Особый вагон, в котором путешествовали высокопоставленные члены семейных корпораций, роскошная межзвездная гостиная на колесах. Она выглядела старой: пыльные зеркала, потускневшая позолота, потрескавшаяся и выцветшая кожа на сиденьях глубоких кресел. Вагон казался потрепанным, но все же дорогим; здесь чувствовался особый антикварный шик, а не бесполезное убожество, к которому привык Зен.

А посреди вагона сидел, улыбаясь ему, человек с фотографией Малика. То же исхудалое лицо, тот же черный костюм, длинные руки и спокойный взгляд. Его светлые волосы блестели в лучах вагонных ламп. Мужчина был таким белым и неподвижным, что походил на фотографию, на человека, замершего перед вспышкой камеры.

– Добро пожаловать, Зен, – сказал он. – Я надеялся подобрать тебя на Амберсае. Мне не хотелось, чтобы Январ Малик вышел на твою сестру и мать. Но не волнуйся, он их не потревожит. Железнодорожные войска не позволят ему и дальше идти на поводу у своей одержимости теперь, когда он лишился поезда.

– А чем он одержим? – спросил Зен.

– Мною. – Ворон соединил пальцы под подбородком и улыбнулся. Нова вошла в вагон и оглянулась, тоже улыбаясь, а затем протянула Зену руку, чтобы поприветствовать его на «борту».

Некий выработанный инстинкт, сформированный на улицах, подсказывал Зену, что надо разворачиваться и бежать, но он тщательно игнорировал это чувство. Инстинкты иногда ошибаются. Ворон одержал верх над Маликом, уничтожил военный поезд. Он силен. Чем бы он тут ни занимался, в этом таинственном поезде на тайной станции, Зену хотелось отхватить и себе кусочек.

Старлинг не стал пожимать руку Новы: ему было неприятно прикасаться к ней, к этой синтетической плоти, так похожей на настоящую. Но он взобрался в поезд, и «Мечтательный лис» закрыл за ним двери.

Вагон изнутри оказался обит живой древесиной; встроенные серебристые биолюминесцентные лампы светили из узлов на арочной крыше. Зен словно оказался внутри гигантского пустого ореха. Из потайных динамиков доносилась музыка. Волны гармонии, низкие голоса, мелодичные песни, слов которых Зен не понимал. Старая музыка в древнем поезде. Нова ушла, не то в другой вагон, не то в соседнее купе. От нее у Зена по коже бегали мурашки, но все-таки было жаль, что она ушла; Ворон внушал больший страх.

Теперь он поднялся на ноги. Ворон оказался высоким и худым, и что-то в его внешности было неправильным, будто скульптор, который вырезал его из холодного белого камня, не совсем понимал, как устроено человеческое тело. Ворон щелкнул пальцами, и в воздухе перед ним появилась голографическая карта.

– Знаешь, что это, Зен?

– Конечно, знаю, – ответил тот. Такую карту можно было увидеть на любой станции К-трассы. Линии, которые пересекались и разветвлялись, сливаясь в трехмерную массу, похожую на светящийся коралл. – Это Сеть.

Ворон улыбнулся.

– Когда я был ребенком, мы называли ее «Килопилаэ»⁴. Это означает «тысячи врат» на одном из языков Древней Земли. Таково древнее название Сети, данное ей Стражами. Похоже, сейчас оно вышло из моды.

– Потому что оно неверное, – сказал Зен. – У нас не тысяча К-шлюзов, а девять тысяч шестьдесят четыре.

Это знали все. Может, Стражи и планировали открыть тысячу шлюзов, но постепенно отверстий стало так много, что еще чуть-чуть – и ткань пространства-времени могла бы разъехаться, как старое кухонное полотенце. Они остановились на девяти тысячах шестидесяти четырех проходах и сказали, что новые нарушают какую-то симметрию и дестабилизируют всю Сеть.

– Да, – согласился Ворон. – Девять тысяч шестьдесят четыре шлюза. Из них тридцать не используются, потому что семейные корпорации решили, что открывать эти станции вновь будет экономически невыгодно...

Движением руки он увеличил часть карты, и среди разноцветных пересекающихся линий Зен увидел одну незнакомую. Розово-красная линия начиналась на станции «Сириус» и зигзагами проходила через центр Сети к отдаленной станции под названием «Дездемор».

– Слышал о линии Большого Пса? – спросил Ворон. – Нет? Неудивительно. Когда-то она была оживленной, но промышленные планеты, которые она соединяла, уже выработали свой срок окончательно, а во все важные точки, которые обслуживала, можно попасть быстрее и проще при помощи других линий. Семейная корпорация, которая ею руководила, давно обанкротилась, и линию закрыли. Но рельсы никуда не делись. В некоторых старых депо еще можно отыскать топливо. Его достаточно, чтобы привести в движение «Мечтательного лиса».

– И как все это относится ко мне? – спросил Зен. Ему не нравилось, что Ворон читает ему лекции, словно ребенку в школе. – Почему Синие мундиры преследуют вас? Вы тоже вор?

Ворон усмехнулся.

– Я предпочитаю называть себя борцом за свободу.

– Вы послали ту девушку следить за мной. Мото.

Ворон спокойно улыбался. «Такому доверять нельзя, – подумал Зен. – Но и злить его не стоит».

– Так что вам от меня нужно? – спросил он.

– Расскажу по дороге.

– По дороге куда? – не унимался Зен, но вдруг против воли сел: его встряхнуло, потому что «Мечтательный лис» пришел в движение.

⁴ Kilo pilae – (здесь) тысячи врат (лат.)

Глава 7

– Эй! – крикнул Зен, когда «Мечтательный лис» повез его по забытым туннелям. – Куда вы меня везете?

– Подальше от Разлома, – спокойно ответил Ворон. – Железнодорожные войска придут в ярость, когда узнают, что мы сотворили с их боевым поездом. Если останешься в Разломе, во всем обвинят тебя. Со мной тебе будет куда безопаснее.

В это было несложно поверить. Зен опустил на сиденье из живой древесины; оно оказалось таким удобным, словно созданным специально для него. Он сидел и смотрел, как Ворон ходит по вагону, не обращая внимания на покачивание, открывает бесшовные люки в стенах, передвигает бутылки, бокалы. За окнами пролетали стены туннеля, иногда они исчезали, и можно было мельком увидеть слабо освещенные пещеры – заброшенные сортировочные станции. Звучала загадочная мелодия.

– Это ваш поезд? – спросил Зен.

– «Мечтательный лис» – это последний поезд из серии «Зодиак С12», – ответил Ворон.

– Ого! – Зен слышал о таких. Одни из самых быстрых и красивых локомотивов, которые когда-либо выходили из мастерских семьи Альбайек на Луна Верде. – Я думал, их уже не осталось...

– Я нашел брошенного «Лиса» на запасных путях. Изгой, о котором забыли, закрывая станцию. – Ворон налил себе виски, а Зену протянул стакан пурпурного сока. – Бедняга «Лис». Я помог ему восстановиться. Теперь он с готовностью возит меня туда, куда я захочу.

– Его дрон застрелил Дядюшку Жукса.

– Да, к несчастью. Боюсь, у «Лиса» имеются проблемы с управлением гневом, есть некая жажда разрушения. Не так ли, «Лис»?

«Мечтательный лис» не ответил, но Зен чувствовал, что локомотив слушает его.

– Наверное, у поездов нет владельцев как таковых, – сказал он.

– Именно. – Ворон вернулся к столу и поставил напитки, затем помедлил, пока «Мечтательный лис» проходил сквозь К-шлюз. Вагон на мгновение сверкнул в загадочном антисвете, а потом покатился через долину серо-голубой грязи. Зен подался вперед, ему не терпелось увидеть, в какой из миров его привела эта затерянная линия. Вдалеке показались горы и скелетопоподобные силуэты мертвых строений.

– Ташгар, – произнес Ворон.

– Что?

– Так называется это место, Ташгар. Бывший промышленный мир, прямо как Разлом. Угас несколько веков тому назад. Большинство станций линии Большого Пса подобны этой. Она ведет также и в обитаемые миры, такие как Амберсай и Разлом, которые тебе известны, а еще в Сундарбан и другие места, но ее станции в этих мирах находятся глубоко под землей.

Они оказались в другом туннеле, прошли сквозь очередной шлюз. И с ревом влетели на следующую мертвую станцию.

– Зачем вы искали меня? – спросил Зен.

– Ты будешь мне полезен, – ответил Ворон.

– Чем?

– Мне нужен вор. И ты украдешь для меня кое-что.

Зен был даже немного рад услышать это. Значит, Ворон все-таки вор, как и он сам. А с доступом к тайным К-шлюзам они смогут проникнуть куда угодно, украсть что угодно и улизнуть незамеченными.

Но ему не хотелось демонстрировать свое воодушевление, поэтому он просто сказал:

– Окей. – Словно собирался еще подумать над предложением.

– Не беспокойся, – продолжил Ворон, на что Зен втайне и надеялся, – я хорошо заплачу. Сделаю тебя богатым. После окончания работы ты сможешь начать новую жизнь. У тебя будет все, что необходимо: отличный дом, новое имя, лечение для матери. Ты же знаешь, ее проблему было бы легко решить, живи она не в крысятнике вроде Разлома. Да, я могу это устроить. И все, что тебе для этого нужно, – выполнить одно маленькое задание.

Это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой. Зену казалось, что его дурачат. Либо вознаграждение будет не таким щедрым, как Ворон пообещал, либо работа окажется гораздо сложнее. Но, как и в тот раз, когда Старлинг решил последовать за Новой, выбора у него особо не было. И, несмотря на возможные подводные камни, работа на такого человека может стать первым шагом к лучшей жизни, не так ли?

– Окей, – повторил он.

Ворон расплылся в улыбке, словно Зен только что закрепил сделку, и «Мечтательный лис» прошел сквозь очередной шлюз в следующий мир, затем в еще один. И хотя Зен как фанат поездов был возбужден из-за путешествия по этой древней линии и взволнован новым поворотом судьбы, ему захотелось спать. Он уже не знал, сколько часов прошло с тех пор как он проезжал по К-трассе с Амберсая, думая, что все приключения остались позади. Сидеть в движущемся поезде уже стало ощутимо тяжело.

Он откинул голову на спинку кресла со специальной выемкой и смотрел, как за окном «Мечтательного лиса», несущегося по непривычным и необъятным просторам, мелькают пейзажи. Зен наблюдал ночь на планете в какой-то туманности, где небо напоминало хвост павлина, в котором сверкали огромные звезды. Над метановыми морями под разбитой луной. Антиудар. Антиудар. Антиудар. Музыка и знакомое мягкое ощущение покачивания вагона заставили Зена погрузиться в сон.

* * *

Когда он проснулся, поезд стоял. Зеленовато-золотистый косой луч дневного света пробивался в вагон. Дверь оказалась открыта. Ворона поблизости не было, но Зен услышал звуки, похожие на сопение огромного спящего зверя.

Он вскочил на ноги и едва не ударился головой о потолок – гравитация здесь была меньше привычной. Пустой стакан, стоявший на подлокотнике, стал падать так медленно, что Зен успел поймать его, прежде чем тот коснулся пола.

Сопение оказалось отдаленным шумом волн возле берега.

Зен сошел с поезда на большой старой станции. Зеленовато-золотистый свет пробивался сквозь стеклянную крышу. Парень прошел по платформе и через открытые турникеты вышел на крытый перрон. Ворон был там. Он стоял между колоннами, откуда то падали, то исчезали столбы света. Он делал... а что он делал? «Какие-то упражнения», – подумал Зен поначалу. Балансировал сперва на одной ноге, затем на другой, дергался, будто марионетка, изгибая свое хилое тело, облаченное в черное, принимая такие позы, которые Зен считал невозможными.

Потом столбы света, проходящие сквозь купол, стали тускнеть, и, когда перрон снова погрузился в сумрак, Зен увидел, что Ворон здесь не один. Рядом с ним мерцали два Станционных Ангела: блуждающие сгустки света со множеством конечностей, которые спутывались и извивались.

Станционные Ангелы представляли собой некие безвредные скопления энергии, которые иногда возникали – вспыхивали вслед за поездами. Внешне они напоминали призраков гигантских богомоллов, но все понимали, что на самом деле человеческий мозг просто так интерпретирует помехи, которые вливаются в нормальную Вселенную при открытии К-шлюзов. Но конкретно эти Ангелы не просто мерцали и тускнели, как им было положено, а, похоже, опре-

деленным образом повторяли движения Ворона, словно они втроем танцевали под одну и ту же музыку.

Однако никакой музыки не было. Только дикий стон, лучи света, разрезающие пыльную платформу, и сердце Зена – тук, тук, тук, – в котором нарастал необъяснимый страх.

Холодная рука сжала его запястье. Нова потянула его назад, в тень доисторического ларька с едой.

– Ты не должен его беспокоить, – сказала она так тихо, что Зен едва расслышал. – Он занят. Общается с Ангелами.

Зен уставился на нее.

– Со Станционными Ангелами невозможно общаться! Это же что-то вроде болотного газа или радуги. Они не живые.

– Кто так говорит?

– Да все. Специалисты. Они проводили эксперименты.

– О, – сказала Нова. – Что ж, я тоже не живая, не такая, как ты. Но Ворон разговаривает со мной.

Зен посмотрел на танцующих.

– Это же какой-то фокус, да? Магнетизм, статическое электричество или что-то в этом роде...

И тут Станционные Ангелы исчезли. На мгновение Зену показалось, будто свет просто снова изменился и скрыл их, но они действительно испарились.

Ворон постоял секунду, приглаживая волосы. Он расправил плечи и разгладил пиджак, а затем зашагал по платформе назад к «Мечтательному лису». Спустя миг Старлинг услышал звук заводящихся двигателей.

– Он уезжает! – воскликнул Зен. – Бросает меня здесь! – Парень кинулся было к поезду, но Нова опять схватила его за руку.

– Все верно. Это часть плана.

– Какого плана?

– Плана Ворона. Он велел доставить тебя в гостиницу, но мне не хотелось тебя будить. Нам придется ждать его здесь.

– Что это за место?

– Город Дездемор на водном спутнике Тристессе.

Конечная станция. Самая дальняя в Сети от дома Зена.

– Этот мир тоже заброшен? – спросил он.

– В гостинице еще живут, – ответила Нова. – Но только моторики.

Зен удивился уничижительным ноткам в ее голосе.

– Ты ведь в курсе, что ты тоже моторик?

Нова сморщила нос.

– Я не такая, как они. Они – всего лишь запрограммированные марионетки. А я делаю то, что сама захочу.

Двигатели «Мечтательного лиса» заревели, способствуя толчку поезда со станции и ускоряясь перед выездом из туннеля, где их уже дожидался К-шлюз.

– Куда отправился Ворон? – спросил Зен.

Нова пожала плечами так, словно сама лично изобрела этот жест и еще не до конца разобралась в деталях, как он правильно делается.

– Кто он вообще?

– Просто Ворон, – сказала она.

– Зачем ему нужен я? Почему он выбрал меня?

– Понятия не имею, – ответила Нова, оглядывая Зена с головы до пят. – Возможно, из-за имени. Старлинг и Ворон. Слово «старлинг» означает «скворец» в переводе с одного из языков

Древней Земли. Ваши имена созвучны с названиями птиц. Иногда подобные вещи кажутся ему забавными.

Глава 8

– Дездемор, – громко объявил голос. – Жемчужина западной железнодорожной ветки!

Но это был всего лишь огромный рекламный монитор, проснувшийся при приближении Зена и Новы, которые только что появились около выхода со станции. Тонкие, заброшенные городские здания взмывали высоко в небо, а спокойные каналы словно стягивали пустые мосты. На экране мелькали изображения многолюдных пляжей и смеющихся детей на пустынных городских площадях: они приветствовали туристов, которые никогда сюда больше не приедут. Кадры сверху демонстрировали, что Дездемор – это остров, но Зен уже и сам догадался: он еще не видел океана, но уже слышал шум прибоя и чувствовал морской запах в свежем, чистом воздухе.

Он посмотрел наверх. Над головой проплывали большие облака. Зеленовато-золотистый свет, пробивающийся сквозь них, исходил не от звезды. Его излучала огромная газовая планета, закрывающая половину неба.

– Наверное, раньше это было отличное местечко, – сообщила Нова. – Толпы людей! Теперь здесь бывает только Ворон.

– Но почему? – спросил Зен, следуя за спутницей на другой конец площади. Его голос эхом отражался от стеклянных стен высоких строений. – В смысле, зачем сюда приезжать? Ворон, наверное, богат. Богачи живут в отличных домах. У них есть друзья, семьи, хорошие вещи. Они не танцуют со Станционными Ангелами и не живут на разрушенных морских курортах в компании проводных кукол. Без обид.

– Все в порядке, – сказала Нова.

Они шли вдоль канала, спускающегося к пляжу. Как раз начинался прилив. Брызги взлетали высоко в воздух, а вниз опускались медленно из-за низкой гравитации. Ветер выбил ставни из окон маленьких магазинчиков, расположенных за набережной. Внутри, словно сокровища в пустынных могилах, виднелись полузасыпанные песком ведерки и лопатки. Далеко в море, там, где высокие волны разбивались о рифы цвета кости, Зен увидел стаю неуклюжих на вид птиц, которые летели по небу, чернея на фоне газового гиганта.

– Эта планета называется Хаммураби, – сказала Нова. – Тристессе – один из ее спутников. А птицы эти – вовсе и не птицы, а воздушные скаты. Они созданы при помощи генной инженерии по образу морских скатов, которые раньше обитали в океанах Древней Земли. Слышал о таких?

– А, да...

Зен не знал, но не хотел показывать этого.

– Они гнездятся на дальних рифах. Люди раньше брали лодки и специальное оружие, чтобы охотиться на них. А этот океан называется Морем печали – разве это не мило?словно строчка из песни.

Еще одна волна повисла над ними, разбилась о берег, и брызги рассыпались по набережной фонтаном. Зен сделал шаг назад, но Нова осталась на месте, подставив лицо под падающие капли.

– А для тебя не вредна вся эта вода? – крикнул Зен, пытаясь перекричать шум отступающей волны.

Девушка лишь рассмеялась и встряхнула мокрыми волосами.

– Думаешь, произойдет замыкание? Я же не тостер, Зен! У меня есть кожа. Смотри! Она водостойкая и полностью меня покрывает.

– Но кожа ненастоящая, – заметил он.

– Верно, – сказала Нова. – Она лучше. Я очень продвинутая модель.

– Тебя создал Ворон? – спросил Зен.

– Он меня запустил, если ты об этом.

– Так, значит, он в некотором роде твой... отец?

Какое-то время Нова молчала. Они отошли назад, чтобы оказаться подальше от брызг.

Наконец она сказала:

– Это случилось в сезон штормов, в одном из старых танцевальных залов в гостинице. Ворон сделал из него мастерскую. Лабораторию. Секунду назад я была никем, и вот в одно мгновение стала собой. Я лежала на металлическом столе, а в окна стучали капли дождя. Ворон сказал, я – его эксперимент. Не очень-то повышает самооценку, честно говоря. Он объяснил, что пытался создать моторика, который считал бы себя человеком. Вот только у него не получилось, ведь я сразу поняла, что из себя представляю. Я лежала там, смотрела на сверкающие капли и видела, как в моем мозге открывается меню выбора, чувствовала, как активируются все мои подпрограммы. А Ворон возился со мной и наблюдал. Помню, как по его лицу скользили тени от капель дождя на стекле, а в глазах отражались сверкающие молнии. Позже я смотрела один старый фильм о безумном ученом, и он выглядел точь-в-точь, как Ворон в тот день. Полагаю, это значит, что я – монстр. Тоже не слишком хорошо для самооценки.

– Ворон запрограммировал тебя такой?

– Какой?

– Ну...

– Никто меня не программировал, Зен Старлинг. Я сама программирую себя. Ворон дал мне пароль. Показал, как открывать меню и переписывать собственный код.

– Поэтому у тебя веснушки?

– Да! Я целую вечность пыталась добиться такой пигментации. Тебе нравится?

– Не очень.

– Моторики должны обладать идеальной внешностью, – сказала она, будто не слышала его ответа. – Как манекены. Поэтому, наверное, всякие идиоты и называют нас проводными куклами. Но я не хочу быть идеальной. Это так скучно. Я работаю над новыми изменениями в своей внешности. Вот бы можно было сделать себя толстой! А почему тебе не нравятся веснушки?

Теперь Зен смутился. Он пожалел, что назвал ее проводной куклой – не хотелось задеть ее чувства. На самом деле он даже не знал, может ли моторик чувствовать.

Помявшись, Старлинг сказал:

– Из-за них создается впечатление, будто ты пытаешься казаться человеком.

– Я и есть человек, – ответила она. – Мой мозг – процессор, а не кусок мяса, и хотя тело сделано из других материалов, у меня есть чувства, мечты и все остальное, что есть у других людей.

– И о чем ты мечтаешь?

– А вот это уже не твое дело.

Они развернулись и пошли обратно к К-трассе. Станция находилась на первом этаже гостиницы «Конечная»: взмывающее вверх стеклянное крыло с тысячей окон, в которых отражались штормы и кольца Хаммураби. Зену показалось, будто в холле есть люди, но, когда Нова привела его внутрь, он увидел, что это всего лишь моторики. Один из них подошел поприветствовать новых гостей и поклонился. Моторик женского пола с длинным умным лицом. На ней красовалось голубое платье, а серебристые волосы были собраны в аккуратный низкий пучок.

– Мистер Старлинг? Я Карлота, администратор. Мистер Ворон предупредил нас о вашем приезде.

– Значит, он тут живет? – спросил Зен.

– Когда не находит места получше, – объяснила Нова. – Он заново открыл это старое место и разбудил всех проводных кукол, чтобы они поддерживали гостиницу в рабочем состоянии.

– Мистер Ворон – постоянный гость здесь, в «Конечной», – отчеканила Карлота (если она и обиделась на «куклу», то не подала виду).

– Вам бы лучше приглядывать за мистером Старлингом, Карлота, – посоветовала Нова. – Он вор. Пересчитывайте ложки и не оставляйте открытым сейф.

Карлота улыбнулась спокойной запрограммированной улыбкой.

– Идемте, сэр, – сказала она. – Я провожу вас в номер.

Глава 9

В самом сердце Великой Сети располагалась станция «Центральная». На ней сходились все главные пути Галактики, а значит, семейная корпорация, которая контролировала Центральную станцию, контролировала всю сеть. Последние несколько поколений это место принадлежало семье Зенитов. Портреты императоров и императриц из клана Зенитов сияли с голографических экранов, золотое солнце Зенитов улыбалось с ярких баннеров над городом-садом, который занимал половину планеты: здания располагались на большом расстоянии друг от друга, башни из алмазного стекла и золотистые купола станций возвышались среди моря зелени. Императорский дворец, Сенат, Управление расписания К-трассы – штаб-квартиры всех скучных сложных департаментов, благодаря которым Сеть могла функционировать, располагались на Центральной станции. Даже дата-центры самих Стражей находились здесь: спрятанные глубоко под землей камеры с компьютерным оборудованием, благодаря которому мудрые создания с искусственным интеллектом могли наблюдать за человеческими делами. Императорская коллегия дата-дайверов была всегда готова предоставить императору советы или инструкции, хотя пока Стражи были всем довольны и позволяли Магалакссию XXIII править без своих рекомендаций. Время стояло мирное, и Сеть существовала вполне счастливо.

По длинным виадукам Центральной станции от одного К-шлюза к другому постоянно сновали серебристые поезда, а небо пестрило дронами и воздушными такси. Утром и вечером к ним присоединялись зеленые попугайчики, они поднимались с верхушек деревьев и шумными стаями кружились между башнями. Здания были оснащены магнитными полями, позволявшими отгонять стаи, и птицы маневрировали между ними, словно морские волны между огромными кораблями.

Тени птичьих крыльев падали на лицо капитана Малика, который стоял у окна на одном из верхних этажей башни Железнодорожных войск и смотрел на парки, озера и аллеи галактической столицы. Умиротворенность и роскошь этого места внушали ему тревогу. Он привык к более холодным, жестким, грязным мирам и злился, что ему приказали вернуться на станцию «Центральная».

– Январ!

Он обернулся и увидел, как в комнату вошла железнодорожный маршал Делиус. Высокая женщина, выше него ростом, с очень темной кожей и белыми волосами, гладко зачесанными и уложенными лаком в виде гребня, как у древних воинов. Лицо у нее тоже было воинственным: жесткое и благородное, но симпатичное, когда она улыбалась, а улыбалась она всегда при виде Малика. Он позволил ей обнять себя. На ее мундире поблескивал ряд медалей. Они напомнили Малику о монетах, которые они вместе с железнодорожным маршалом Делиус когда-то, еще в детстве, клали на рельсы К-трассы в депо станции Песнь Лакшми. Тайком пробирались к путям, выкладывали монетки, словно подношения, и ждали, пока не придет К-поезд...

Лисса Делиус была одной из немногих, кого Малик считал другом. Они вместе поступили на службу в Железнодорожные войска и бок о бок сражались против врагов Империи по всей Сети. Но он не надеялся, что сейчас дружба с ней сильно ему поможет. Разрушение боевого поезда – это не шутки. По пути из Разлома он коротал время, подсчитывая многомиллионные убытки, которые, должно быть, повлекла потеря локомотива. Империи понадобится кто-то, кого можно в этом обвинить, а винить Ворона Лиссе в голову не придет. Как и все остальные члены командования, она даже не верила в его существование.

– Рада, что ты в порядке, – сказала она. – Мне жаль, что пришлось притащить тебя сюда, но дело серьезное...

– Это был «убийца поездов», – процедил Малик. – Прорвался сквозь наши брандмауэры, убил моего дата-дайвера...

– Я читала твой отчет. – Делиус уселась на серый диван и похлопала по соседней подушке, приглашая Малика сесть рядом. Но тот остался на ногах. – Наши техники изучили то, что осталось от систем твоего поезда, но не нашли никаких следов вируса.

– Если он способен создать такой вирус, – сказал Малик, – то может сделать так, чтобы этот вирус не оставлял следов.

– М-м-м, – протянула железнодорожный маршал и улыбнулась уголком рта, но Малик знал: она не верит ему. Он вдруг обратил внимание, что Лисса избавилась от шрама: раньше у нее на лбу был рубец в виде полумесяца, она получила его в бою на Бандарпете. «Жаль, – подумал Малик. – Старым солдатам полагается носить шрамы с гордостью».

– Ты должен был заниматься стандартным патрулированием Трансчибийской магистрали... – начала она.

– Этим я и занимался. Но на Амберсае я засек моторика Ворона, она выслеживала одного парнишку на базаре.

– Да... – Лисса Делиус была в замешательстве. Она улыбнулась так, словно ей стало больно. – Январ, твоя теория о том, что Ворон до сих пор на свободе...

– Это не просто теория.

Железнодорожный маршал вздохнула.

– Наши дата-дайверы советовались со Стражами. Они ничего не знают о Вороне.

– Так они тебе и сказали?

– Выражаясь не так подробно, ты сам их знаешь... Но если бы он гулял где-то на свободе, они бы нам сообщили.

– Ворон умеет их избегать, – возразил Малик. – Они думают, раз он больше не проявляет активности в Море данных, то он не опасен. Но это не так.

– Ох, Январ, – мягко сказала железнодорожный маршал. – Если бы ты чаще предоставлял отчеты, входил в нужные партии, встречался с людьми, ты бы уже был генералом Маликом. Железнодорожным войскам нужны хорошие люди, такие, как ты, здесь, на Центральной станции. Но ты постоянно шатаешься на боковых ветках, вечно гоняешься за этим... призраком. Ворон мертв. Мы убили его, Январ. Еще двадцать лет назад.

– Ворон не призрак. Он что-то замышляет. Он установил контакт с этим мальчишкой из Разлома, мелким воришкой по имени Зен Старлинг. Я взял его на поезд для допроса – тогда и ударил «убийца поездов».

– И где теперь этот мальчик?

– Сбежал, – ответил Малик.

– Ты обыскал Разлом?

– В Разломе его нет.

– Тогда как ему удалось уйти? Учítывая, что твой поезд блокировал туннель, везущий к единственному К-шлюзу в Разломе?

– Там есть еще один шлюз. Разлом-Б, на старой линии Большого Пса. Вот как путешествует Ворон, вот где он скрывается.

– А у тебя есть какие-то реальные...

– У меня нет доказательств, Лисса. Но я знаю, что это так. Если ты дашь мне другой поезд и позволишь проверить линию Большого Пса...

Она отвернулась и вздохнула. В детстве она пряталась в тени вместе с Маликом, сдерживая хихиканье, пока мимо не проедет К-поезд. Потом они мчались к рельсам и подбирали покореженные монетки: тонкие, как листья, раздавленные тяжелыми колесами, отполированные до блеска. За те сорок лет, что прошли с тех пор, Лисса Делиус претерпела похожие изменения. Она была уже не той девочкой, с которой рос Малик. Общего у них осталось мало, и Лисса понимала это. Возраст и амбиции сгладили ее острые углы, она была счастлива здесь, в этом цивилизованном городе, играя в политические игры. Но злой, мстительный Малик был

весь соткан из острых углов. Ему хотелось причинять людям боль, и он жаждал войны, чтобы воплотить это желание в жизнь. Ему нужен был поезд.

– Позволь мне проследить за Вороном.

Лисса Делиус посмотрела на него, и он уже заранее знал, что она ответит.

– Прости, Январ, больше никакой охоты на призраков. Твою команду уже перенаправили на другую службу. Если бы я не вмешалась, не замолвила словечко, тебя ждало бы суровое наказание. Теперь же придется взять полугодичный отпуск и явиться для оценки своего психологического состояния.

Она ошеломленно замолчала: комната неожиданно наполнилась треском, словно кто-то стрелял из пулемета. Малик обернулся. Одна из кружащихся стай попугайчиков перепутала окно кабинета железнодорожного маршала с чистым небом и врезалась прямо в алмазное стекло.

– Похоже, наши магнитные поля опять неисправны, – сказала Лисса Делиус. – Видишь, Январ? Вот в чем проблема мирного времени. Император постоянно урезает нам бюджет. Мы не можем позволить себе даже отпугиватели птиц, не говоря уже о том, чтобы позволять тебе и дальше метаться там, ломая К-поезда, следуя какому-то наваждению...

Малик подошел к окну. Мертвые птицы оставили на стекле пятна крови и перья и теперь падали на верхушки деревьев. Он отколол значок Железнодорожных войск с груди кителя и аккуратно положил на подоконник.

– Тогда я сам найду Ворона, – отрезал он.

Лисса Делиус несколько раз звала его, пока он шел к лифту. Но Малик не обернулся.

Глава 10

Той ночью Зена разбудил ветер, завывающий около стеклянного гребня гостиницы «Конечная». Карлота выделила ему комнату, размер которой едва ли не равнялся всему Разлому. Одна только кровать была площадью с его квартиру на Бридж-стрит. Он лежал и слушал ветер, шум прибоя и гул от излучения. В ящике прикроватной тумбочки он нашел гарнитуру, разорвал пластиковую упаковку и вытащил аппарат, но в местном дата-рафте оказалось пусто.

Дездемор не только больше не входил в состав Сети, он даже не был подключен к Морю данных. Раньше Зен и представить не мог, что где-то можно чувствовать себя таким одиноким.

Когда наступил рассвет, по небу торопливо начали плыть рваные облака, а каналы сверкали, словно расплавленный свинец. Зен спустился, чтобы позавтракать. В огромном гостиничном ресторане сидела одна Нова: она пыталась решить, какой из углов треугольного тоста отправить в рот первым. Перед ней световой завесой повис голографический экран: фильм был настолько старым, даже не цветным, не говоря уже о 3D, и актеры в нем играли белые. Их странные голоса наполняли зал словами, которых Зен не понимал.

Мужчина сказал:

– Трудности трех маленьких людей в этом безумном мире – это всего лишь пустяки...⁵

– Люблю старое кино, – сказала Нова.

– А ты разве не можешь транслировать его напрямую себе в мозг?

– Да, но так лучше. Этот фильм был снят на земле, тысячи и тысячи лет назад, еще до того, как Стражи сотворили К-шлюзы и открыли нам путь к звездам.

«Стражи открыли путь к звездам нам, а не тебе, рободевочка», – подумал Зен. Но вслух сказал:

– С каких это пор моторики едят тосты?

– Я способна перерабатывать органическую пищу для поддержания уровня электроэнергии, – сказала Нова, словно цитируя собственную инструкцию по эксплуатации. Она аккуратно откусила кусочек тоста, так, чтобы крошки не упали на одежду. – Это особая модификация. Ворон говорит, ему не нравится есть в одиночестве, а тот, кто просто сидит и смотрит, – так себе компания.

Она вдруг резко повернула голову, словно что-то услышала. Зен не слышал ничего, кроме звуков дождя, стучащего по окнам, и шума волн, но моторики обладали более острым слухом, нежели люди.

– К-шлюз только что открылся, – сказала она. – Ворон вернулся.

– Где он был?

– Не знаю. Он много куда ездит.

– Зачем? Что он там делает?

Нова пожала плечами, не отрывая взгляда от фильма.

– Не знаю.

Несколько минут спустя в столовую вошел Ворон. Он даже не попытался объяснить, почему отсутствовал и где пропадал, а просто сказал:

– Ну что, Зен, обустроиваешься на новом месте? Нова за тобой присматривает? Думаю, будет неплохо, если вы, ребята, проведете вместе какое-то время. Знаешь, я беспокоюсь о Нове. Она запрещает мне это, но я все равно волнуюсь. Ей нужен кто-то ее возраста, тот, с кем можно поболтать.

Нова покраснела.

⁵ Видоизмененная цитата из фильма «Касабланка» 1942 года: «Трудности трех маленьких людей в этом безумном мире – всего лишь пустяки».

– Вы за этим меня сюда привезли? – спросил Зен. – Я думал, хотите, чтобы я что-то для вас украл.

Ворон слегка нахмурился, словно его задело то, что гость не хочет поболтать о пустяках.

– Что ж, ты прав...

– И что я должен украсть?

– О, всего лишь маленькую коробочку. Примерно вот такую. – Ворон поднял руку, расставив указательный и большой палец так, что расстояние составило восемь-десять сантиметров.

– А что в этой коробке?

– Никто не знает.

– Окей, – кивнул Зен. – Где она?

– В частном музее на поезде Зенитов.

Зен посмотрел на него так, словно принял это за шутку.

Но Ворон, кажется, не шутил.

– Думаете, я могу вот так запросто проникнуть на поезд Зенитов и что-то там украсть?

– Думаю, ты единственный человек, которого я могу отправить украсть эту вещь, Зен. –

Ворон улыбнулся и принялся заказывать еду у моторика-официантки, позволяя парню обдумать услышанное.

Зен никогда не видел поезд Зенитов, но был о нем наслышан. Все о нем знали. Когда Сенат не проводил заседаний на Центральной станции, Магалаксмий XXIII, Император Великой Сети, Президент семьи Зенитов, постоянно путешествовал по мирам, чтобы дать всем жителям Сети возможность его увидеть. Эти путешествия он совершал на частном поезде: пять километров в длину, спаренные двигатели и одним Стражам известно, сколько там моторных вагонов, да и то приблизительно.

– Лишь два типа людей могут взойти на этот поезд, – сказал Ворон, – члены императорской семьи и доверенные гости. Чтобы заслужить доверие императора, потребуется немало времени, а коробка нужна мне сейчас. Поэтому, если я хочу ее заполучить, мне нужно привлечь на свою сторону одного из членов семейства Зенитов. Проблема в том, что эти Зениты стараются держаться вместе. Они слишком богаты, чтобы принимать взятки, слишком умны, чтобы их можно было обмануть, и слишком опасны, чтобы шантажировать.

Зен все еще ничего не понимал.

– А я-то чем могу вам помочь?

– Твоя мать не рассказывала тебе, кто она такая на самом деле? – спросил Ворон. – Кто ты такой?

– Нет. О таких вещах она не говорит.

Ворон на секунду задумался.

– В далеком шестьдесят пятом году юная Мора из семьи Зенитов с ветки «Золотой Узел» вышла замуж за одного из сыновей Консорциума Ли. Это было важное событие во всех отношениях. Пышная свадьба прошла в летнем дворце Зенитов на Дальней Киновари. Праздновали девять дней. Разумеется, как только Мора вышла замуж, от нее стали ожидать рождения ребенка. Но таким богатым и уважаемым людям, как Мора, некогда было вынашивать дитя, поэтому семейные генетики поместили зародыш в тело суррогатной матери. Ею стала бедная родственница по имени Латика Кетай, незаконнорожденная дочь кого-то из Зенитов, которая прислуживала в их резиденции.

Мать Зена звали Латикой. Когда он был маленьким, она пела ему старые народные киноварские песни. Теперь он начал понимать, к чему ведет Ворон.

Тот развел руками.

– Что-то пошло не так, – продолжал он. – Думаю, она привязалась к тебе. Решила, что после всех сложностей родов не может тебя отдать, и сбежала. Взяла тебя, отправилась на стан-

цию К-трассы и исчезла в недрах Сети. Должно быть, она ехала не одну неделю, то и дело пересекаясь с одной линии на другую. Зениты, разумеется, устроили за ней погоню. ДНК семейства Зенитов очень ценно, семейные корпорации ревниво охраняют свою родословную. Но по пути Латике как-то удалось внушить им, будто вы с ней мертвы, и тебя перестали разыскивать. Мне и самому потребовалось немало времени, чтобы выследить тебя.

Зен не мог разобраться в своих чувствах. Ему было трудно представить, чтобы Ма смогла ускользнуть из резиденции Зенитов с их ребенком на руках. Трудно поверить, что она так его полюбила, что решилась попытать счастья. Наверное, он должен был испытывать к ней благодарность за то, что она так сильно к нему привязалась, но парень думал лишь о том, как можно использовать эту новую информацию. Старлинг один из Зенитов. По праву рождения Зен должен жить где-нибудь во дворце, стать наследником великого дома. Он – Зенит, из семьи самого императора!

Только теперь он понял, откуда у матери взялись все эти страхи. Зениты прекратили преследовать ее, но она так и не перестала убегать от них.

– Откуда мне знать, что это правда? – спросил Зен.

– Если хочешь, сделаем анализ крови, – сказал Ворон. – Сам увидишь, что у тебя ДНК Зенитов. И это возвращает нас к заданию, которое ты должен выполнить для меня.

Он вытащил из кармана маленький прибор и положил его на стол – голографический проектор Бексендина, деревянный футляр которого напоминал большой гладкий боб. В воздухе над столом повисло изображение молодого человека.

Зен несколько секунд всматривался в портрет, прежде чем понял, что смотрит не на собственную фотографию. Он никогда не носил такой небрежно-дорогой стрижки. Никогда не надевал курток из умного винила и не улыбался в камеру, стоя в коралловых садах над сапфировым озером. Нет, это был кто-то другой. Какой-то богатый парень, очень похожий на Зена.

– Его имя – Таллис Зенит, – сказал Ворон. – Замечаешь семейное сходство?

– Совпадение на семьдесят шесть процентов, – подтвердила Нова.

Зен с опаской кивнул. Он уже понимал, к чему все это ведет.

– Вообще, около тридцати членов семьи Зенит похожи на тебя, – продолжал Ворон. – А ты бродишь, где вздумается, с их генами. Таллиса я выбрал потому, что он имеет отношение к периферийной ветви, очень незначительной, которая расположена в Золотом Узле.

Фотографии парня из семьи Зенитов сменялись одна за другой. Зен уже возненавидел эту роскошную одежду и веселую улыбку. Как тут не быть веселым, если вести такую жизнь, как он? Сразу видно, тяжелый труд ему не знаком. (Как и Зену, разумеется. Но он считал, что имеет представление о том, что такое честный труд, а Таллис Зенит – нет.)

– Таллис окончил университет один общепринятый год тому назад, – сказал Ворон. – Теперь он должен занять место в семейном бизнесе, но он мечтатель – прибылы предпочитает поэзию и живопись. Думает, что неплохо бы немного попутешествовать, прежде чем осесть на одном месте. На самом деле, он тоже железнодорожный фанатик. Как много у вас двоих общего!

Зен вспомнил ребят, которые сидели напротив него в том поезде с Амберсая. Сетью пользовались многие богачи, они бесцельно перемещались между мирами в поисках чего-то особенного, что нельзя купить за деньги их семей.

– Никто не удивится, если Таллис решит сесть на поезд Зенитов, – продолжал Ворон. – Это самое знаменитое имущество их семейства, и, насколько мне известно, он никогда прежде на нем не ездил.

– Но они же поймут, что я не он! – воскликнул Зен. – Может, я немного и похож на него, но я разговариваю иначе, не знаю ничего о его жизни, семье...

– Я тебя подготовлю. Притворившись Таллисом, ты сможешь пройти мимо охраны. Как только окажешься в поезде, отправишься напрямик к коробке. Она в том вагоне, где собрана семейная коллекция произведений искусства. Никто ничего не заподозрит, если ты захочешь осмотреть коллекцию.

– Значит, это произведение искусства? Та коробка? Мы крадем шедевры?

Ворон улыбнулся.

– Немного отличается от того, чем ты занимался прежде, не так ли?

Голографические портреты сменились изображением той вещи, которую Зен должен был украсть. Маленький невзрачный металлический кубик.

– Это называется Пиксис, – пояснил Ворон. – Но пусть тебя не смущает такое странное название. Это всего лишь означает «коробка» на одном из языков Древней Земли – римском, испанском или клингонском...

– Полагаю, на древнегреческом, – вставила Нова.

– Она представляет ценность? – спросил Зен (эта вещь не была похожа на дорожную).

– Она уникальна, – ответил Ворон. – И это делает ее действительно очень ценной.

Он снова переключил изображение. Теперь перед их взорами предстала карта Сети. Текущее местоположение поезда Зенитов было отмечено красной точкой: у выхода с линии Серебряной реки.

– Через несколько дней «Мечтательный лис» доставит нас в Сурт. Оттуда ты сможешь пересесть на обычный поезд до Адели, где поезд Зенитов остановится на пару дней. Там ты и сядешь на него. Он отправится в Джангалу, потом на Веретенный мост и Сундарбан. По пути ты украдешь Пиксис. Я буду ждать в Сундарбане, подберу тебя и верну обратно на линию Большого Пса. А потом, Зен, ты разбогатеешь.

– Но я не могу, – возразил Зен и махнул рукой в сторону голограммы. Проектор распознал движение и переключился на видеоизображение поезда Зенитов: поток величественных зданий, проходящий по виадуку над сверкающим устьем какой-то реки. – Вы только посмотрите! – сказал он. – Думаете, я смогу вот так легко пройти туда, а потом сойти с этой коробкой в кармане? Там же будет наблюдение, охрана...

– Нова об этом позаботится, – прервал его Ворон.

– Нова тоже едет?

– Конечно. Вы будете тесно взаимодействовать. Молодой человек столь высокого статуса, как Таллис Зенит, не путешествует в одиночестве. Тебя будет сопровождать твой секретарь-моторик. – Он протянул Зену маленькую изящную гарнитуру из меди и слоновой кости. – Нова будет на связи при помощи этого прибора, предоставит тебе любую необходимую информацию. Нам осталось только позаботиться о том, чтобы ты выглядел соответствующе. Для начала переоденься. Одежду ты найдешь в шкафу у себя в комнате. Породистый юноша вроде Таллиса Зенита не позволил бы себе показаться на людях в тряпье, которое носишь ты...

Поднявшись в свой номер, Зен надел кое-что из новых вещей и встал перед зеркалом. В шкафу нашлось полдюжины новых костюмов. Он выбрал джинсы из «фольги», красные ботильоны и ветровку из зеркальной ткани. Выпрямил спину и представил, будто он – один из молодых Зенитов. Его прическу вряд ли можно было принять за работу стилиста из Золотого Узла, но ведь Таллис Зенит уже некоторое время разъезжал в поездах. Зен знал о перемещениях Таллиса: Ворон заранее загрузил в гарнитуру Старлинга предыдущие билеты Зенита и фото достопримечательностей, которые тот осматривал. «Не то поддельные, не то украденные Вороном», – подумал Зен.

Впервые он почувствовал, что этот план может сработать. Зена страшил такой размах, вселял ужас. Но парню из Города Грома и не такое под силу. «Всего одно задание» – так сказал Ворон. Хотя Зену казалось, что это, скорее, проверка. Если он сумеет сбежать с Пиксисом, то будут и другие задания. У него появится возможность путешествовать по всей Галактике, зна-

комиться с интересными людьми и красть их добро. С помощью Ворона из мелкого воришки он превратится в одного из лучших.

Даже если у него не получится, даже если Зениты заметят маскировку и арестуют его – что ж, он, по крайней мере, сможет похвастаться тем, что побывал на их поезде. По крайней мере, он увидит Джангалу, прокатится по Веретенному мосту...

Зен провел пальцем по новым блестящим джинсам. «Слишком чистые, – подумал он. – Надо немного побродить в них по Дездемору, собрать немного пыли и потертостей». Если одежда войдет в образ, то и сам он, быть может, тоже это сумеет.

Глава 11

Живя на Сантераки, Зен какое-то время мечтал стать актером. Тогда он был еще ребенком и верил в древнее заблуждение, будто каждый может стать кем угодно, если сильно этого захочет. Ма удалось на время справиться со своими страхами, Мика нашла неплохую в своем понимании работу, а Зен начал посещать уроки актерского мастерства в маленьком захудалом театре в конце той же улицы, на которой они снимали жилье. Его учитель, Эшвин Бхозе, был тем еще оборванцем, удача давно ему не улыбалась, но в свое время он успел стать знаменитым. Все коридоры театра были увешаны плакатами и голограммами с его представлений.

Другие ученики происходили из более богатых семей, чем Зен. Они покорно выполняли все упражнения, которые им давал Бхозе, изображая то деревья, то поезда, то ветерок. Зену от всего этого было не по себе. Юноша никогда не мечтал стать деревом или ветерком – он всего лишь хотел переодеться и ненадолго побыть кем-то важным или хоть кем-нибудь, кроме Зена Старлинга, влачащего жалкое существование с перепуганной мамой. Будучи собой, он вечно не знал, что сказать: или застенчиво бормотал, или молчал. Но на сцене, думал он, все будет иначе. Слова потоком хлынут из его рта. Целые диалоги, выученные наизусть.

Эшвин Бхозе, должно быть, углядел в нем что-то особенное. Спустя несколько месяцев Мике урезали рабочие часы, и она больше не могла оплачивать занятия Зена, но Бхозе все равно оставил его в учениках. Он сказал, что Зен умеет наблюдать. «Ты видишь мелкие детали, – сказал он однажды. – Незаметные привычки, которые так много говорят о характере человека. Но только лишь наблюдать недостаточно. Ты должен знать, что творится в головах у других людей. Понимать чувства, которые влияют на их движения и выражения лиц. Видеть, какая погода скрывается у них внутри».

Зен не до конца понимал, что имел в виду старый актер. Он никогда не был особенно хорош в понимании других людей. И до сих пор не стал знатоком в этом деле. Может быть, останься Зен на Сантераки, Бхозе научил бы его данному мастерству, но страхи Ма снова догнали ее. Потом фабрика, где работала Мика, перешла на труд моториков, и сестра осталась без работы. Старлинги упаковали пожитки в пластиковые чемоданчики и снова сорвались с места, оставив Сантераки в розовом зимнем рассвете, с мерцанием огней нефтеперерабатывающего завода на илистом берегу, и длинный серебристый поезд унес их сквозь К-шлюз в Разлом.

С тех пор Зен почти не вспоминал о своих старых мечтах, разве что иногда удивлялся, каким же дураком он был тогда, раз мечтал о таких глупостях, и сожалел, что так и не попросился с Эшвином Бхозе. Но здесь, в Дездеморе, во время подготовки к заданию Ворона воспоминания о тех уроках актерского мастерства вновь вернулись к нему. Это начинало ему нравиться. Частично благодаря простору, тишине и свежему воздуху, о которых парню из Города Грома оставалось только мечтать. Но по большей части именно переодевание и превращение в другого человека вернуло ему давно забытый энтузиазм.

Находясь в Дездеморе, он ежедневно готовился исполнять роль Таллиса Зенита. Ужинал он обычно в компании Ворона, и тот не позволял ему выходить из роли, задавая вопросы: какие достопримечательности он повидал, пока не попал на поезд Зенитов? Каким маршрутом ехал? Иногда Ворон садился в «Мечтательного лиса» и уезжал неизвестно куда, и тогда компании Зену за ужином составляли моторики: Нова, Карлота и местный врач гостиницы, старый почтенный мото по имени доктор Вибхэт. Они не очень-то помогали Зену с репетициями. Одна лишь Нова замечала ошибки в его поведении, но редко утруждала себя тем, чтобы поправить Зена. В присутствии Ворона становилось труднее, и Старлинг охотно принимал вызов, наслаждаясь игрой.

– А дома как дела, Таллис? Как тетушка Калинда?

– Все разводит своих птеродактилей. Нашла генетический образец в глубоких архивах. Дядюшка Бхасри говорит, что рад появлению у нее хобби, вот только висячие сады от них страдают.

– Неплохо, Зен. Но над акцентом следует поработать.

И Зен работал над акцентом. И над внешним видом тоже. Гостиничный парикмахер сделал ему стрижку, а доктор Вибхэт подправил его ушные мочки: они были чуть крупнее, чем у Таллиса Зенита. Зен каждый день надевал новую одежду, а иногда даже спал в ней, чтобы вещи слегка поизносились и не выглядели новыми. Он таскал их по полу и набивал ими потрепанные саквояжи, которые Нова принесла ему из бюро находок гостиницы «Конечная». Он лежал в них на диванчиках гостиницы, читая тексты, которые давал ему Ворон, просматривая видео и голограммы, забивая себе голову историей Золотого Узла и жизнью Таллиса Зенита.

Как-то раз Зен уронил свою замысловатую гарнитуру с балкона и побежал вниз, чтобы проверить, не сломалась ли она. Гарнитура работала: когда он снова надел ее под волосы и прижал передатчик к виску, шепот Новы снова просачивался через кости его черепа. Зен моргнул дважды, чтобы активировать визуализацию, и картинка с его сетчатки тут же стала передаваться в ее умный мозг.

– Как одежда? – спросила она.

Зен посмотрел на себя сверху вниз – брюки из умной ткани и вишневые ботинки. Странно было осознавать: она видит то же самое, что и он, словно стала пассажиром в его разуме.

– Все еще слишком новая на вид, – сказал он. – Пойдем на пляж.

И они вдвоем пошли по лабиринту дездеморских каналов, мимо мертвых магазинов и молчаливых гостиниц. Куда бы ни повернули, они выходили на очередной пляж. На витиеватых перилах вдоль аллей, словно флаги, развевались морские водоросли. Лестницы спускались к размытым волнами пещерам, которые во время отлива превращались в такие же прогулочные аллеи; кафетерии то и дело всплывали впереди, словно цветы, распускающиеся из-под земли. Зену нравился золотисто-зеленый свет, свежий воздух, океан, и даже девушка-моторик, идущая впереди и показывающая достопримечательности.

К Нове он уже привык. Иногда даже ловил себя на мысли, что она вполне себе ничего. Но он быстро отгонял от себя подобные рассуждения: Зен Старлинг не из тех чудаков, которые способны влюбиться в мото. Но ему нравилась ее компания, Нова словно стала дублером всех настоящих девушек, которых он встретит, когда разбогатеет и уедет далеко отсюда.

– А расскажи мне о своем детстве, – сказала Нова у него в голове.

– Зачем?

– Мне просто интересно. – Она повернулась лицом к нему, улыбнулась и заговорила уже вслух: – Вот в чем разница между такими, как ты, и такими, как я. Я всегда была такой, как сейчас, а ты, в отличие от меня, когда-то вступил в мир крохой. И этот «маленький Зен» все еще прячется где-то внутри тебя, выглядывает из твоих глаз.

Зен фыркнул.

– Это не про меня. Мне пришлось быстро повзрослеть. Я мало что помню из детства.

Но что-то он помнил. На протяжении всех этих дней в Дездеморе воспоминания окружали его. Зен рассказал Нове несколько историй, пока они шли. Поведал о своих уроках актерского мастерства, о том, как мастерил и разукрашивал модели поездов, о виде из окна первой своей спальни, о которой помнил. Раньше он никому этого не рассказывал. Зен начал говорить про Ма и Мику, но эти воспоминания оказались неудобными: он начинал скучать по тем временам, когда был еще слишком мал, чтобы замечать гнев Мики или безумие Ма. В то время он любил их обеих, но это чувство как-то поблекло, и он знал, что оказался для них разочарованием. Вместо этого Старлинг стал вспоминать разные игры.

– Я тоже как-то любила играть в одну игру, – сказала Нова, словно тоже вспомнила о своем детстве.

Они стояли на набережной. Вода отступила от берега, зеленый полумесяц Хаммураби отражался на мокром песке.

– Я выходила вот так на песок и танцевала, – продолжала она. – Взмахивала руками, кружилась и вертелась, смеялась и кричала... А потом скаты меня засекали и обрушивались сверху вниз. Я ждала до самого последнего момента, а потом падала на песок и лежала совершенно неподвижно, пока эти глупые создания со свистом летали надо мной и обыскивали пляж, не понимая, куда я подевалась. Я лежала тихо, как статуя, и смеялась над ними. Они поражают только движущиеся цели. Забавный инстинкт развился у этих хищников – хотя, конечно, ничего у них не развилось, такими их спроектировали. Бедные скаты.

Зену еще не доводилось видеть ската вблизи, хоть он и слышал звуки, которые они издают. Из-за отсутствия естественных врагов, которые могли бы сдерживать популяцию, они постепенно распространялись все дальше от дальних рифов и уже гнездились на верхних этажах заброшенных башен на южном конце острова.

– Давай попробуем, – протяжно сказал он, имитируя говор жителя Золотого Узла.

– Вряд ли Ворон бы... – начала было Нова, но Зен уже перебрался через перила, прыгнул на песок и побежал к кружевной каемке прибоя, виднеющейся далеко впереди. Он посчитал, что именно так поступил бы Таллис Зенит.

Нова бросилась за ним. С каждым шагом они преодолевали по два-три метра. Глубокие следы на песке моментально заполняла вода, и за их спинами до самой набережной протянулась цепочка маленьких зеркал. Они пробежали мимо приливных заводов и обломков прогулочных катеров, наполовину погребенных в песок. Уже почти у самой кромки моря Нова крикнула:

– Зен!

Парень обернулся и удивился тому, как близко повис над ним один из скатов, какой он большой и как бесшумно спикировал из своего гнезда среди старых башен. Он был коричневым, на широких крыльях виднелись узоры, похожие на отметины на спинах пауков (на кремовых пятнышках все еще проглядывал размытый след логотипа какой-то из корпораций, специализирующихся на геной инженерии). Существо раскрыло крючковатый клюв и яростно ухнуло: или чтобы у Зена кровь застыла в жилах, или дабы предупредить стаю, летящую следом, что Зен – это его добыча, а остальным придется довольствоваться объедками.

И тут Нова налетела на Зена и повалила его на песок. Она ничего не сказала, но ее голос хлынул ему в голову, словно звук с видеозаписи или голоса, которые слышала его мама:

– Помни, лежи тихо!

И он лежал так тихо, как только мог, прижавшись одной стороной лица к мокрому песку, ощущая на языке соль тристесского океана и вдыхая острый запах раскаленной кожи, когда скат пролетал над головой, рассекая воздух своим хвостом с шипами. Зен уже не прикидывался Таллисом – пережитое потрясение «выбросило» его из роли.

Вслед за первым скатом появились и другие: они кричали в замешательстве, словно спрашивая, куда подевалась жертва, а потом улетели вдоль берега. Первый скат еще некоторое время покружился, заинтересованный неподвижными фигурами на песке, но ему не хватило ума понять, что это те же самые фигуры, за которыми он охотился несколько секунд назад. Вскоре он сердито ухнул в последний раз и улетел вслед за стаей.

Убедившись, что скатов поблизости нет, Зен сел. С этого места на песчаном берегу он мог видеть весь Дездемор, белые фасады прибрежных зданий тянулись к югу, словно береговые утесы. В южной части города, где он еще ни разу не был, в море уходил высокий виадук, он тянулся вдаль и исчезал в тумане на горизонте.

– Что это? – спросил Зен. – Я думал, Дездемор – конечная станция.

Нова покачала головой.

– Здесь кончается К-трасса, но одна линия проходит через весь город и тянется по тому мосту.

Зен прикрыл глаза рукой от света, разглядывая виадук.

– Значит, где-то там есть еще один остров?

– Полагаю, да. На картах его нет. Думаю, раньше его использовали в качестве охотничьих угодий или вроде того.

– Надо отправиться туда и узнать.

Нова улыбнулась ему.

– Хорошая идея. Если будет время.

Начался прилив. Вокруг них зашумели пенистые волны. Приглядывая за скатами, Зен и Нова поспешили назад к набережной мимо отражений Хаммураби.

Игр со скатами Ворон не одобрил. Один из его дронов, прочесывая пляж, записал весь процесс. Когда насквозь вымокшие Зен с Новой, смеясь и вытряхивая песок из складок одежды, вернулись в гостиницу «Конечная», он нахмурился и сказал:

– Ты представляешь большую ценность, Зен Старлинг. Тебе следует быть осторожнее.

– А как насчет Новы? – спросил Зен. – Она тоже ценная, разве нет?

– Ты не способен лежать так же неподвижно, как она. Если скат заметит, он измельчит тебя, как печенье. И тогда ты уже не посмеешься.

– Я же должен как-то коротать время, – возразил Зен. Он был дерзок и самоуверен, игра со скатами подняла ему настроение. – И вообще, сколько еще мы будем тут сидеть? Когда уже отправимся к Зенитам?

– Скоро, – ответил Ворон. – Думаешь, ты готов?

– О, я-то готов, – напыщенно ответил Старлинг, засунув руки в карманы и приняв ленивую позу, чуть откинувшись назад: так он надевал маску Таллиса Зенита.

Ворон молча смотрел на него. Затем он решительно зашагал в оружейную комнату гостиницы и вернулся с винтовкой. Оружие было элегантное, старинное на вид, с деревянной рукоятью и металлическим стволом.

– Если снова захочется потравить скатов, – сказал он, – воспользуйся этим. Меткий стрелок при помощи такого оружия может сбить ската с трех километров. Ты, конечно, не стрелок, поэтому можешь подключить систему пушки к гарнитуре, которую я тебе дал, и тогда Нова будет целиться вместо тебя и говорить, когда спустить курок.

– Я и сам справлюсь, – возразил Зен, хотя никогда прежде даже не прикасался к оружию. Некоторые парни в Разломе таскали с собой дешевые отпечатанные пистолеты, но он никогда не утруждал себя этим, потому что не мог представить ситуацию, в которой ему пришлось бы воспользоваться оружием. Он же вор, а не убийца.

– Рекомендую взять это с собой в поезд Зенитов, – сказал Ворон.

– Думаете, назад мне придется пробиваться силой? – спросил Зен.

– Я думаю, подготовиться будет не лишним. – Ворон показал, как внести отпечатки пальцев в память оружия, чтобы то реагировало только на прикосновения парня. – У Зенитов почти на каждой станции имеются большие охотничьи угодья. Можешь соврать, что хочешь там немного размяться. Никто не удивится при виде юного Зенита со старинной охотничьей винтовкой. Запомни, Зен, лучшее место для укрытия чего-либо – у всех на виду.

Глава 12

Впервые Январ Малик убил Ворона на Вагхе, в гниющем особняке возле кобальтовых шахт. Такая работа больше подошла бы дрону, но Железнодорожники направили туда людей: Малик и еще пятеро бойцов пролетели сквозь К-шлюзы на поезде под названием «Пест-контроль». Это была особо секретная миссия. Ходили слухи, будто приказы им отдавал не то лично император, не то сами Стражи.

Малик ясно помнил высокие потолки особняка, искусную лепнину, ветхие кисейные занавески, через которые сочился болезненный свет местного солнца. Он до сих пор помнил, как Ворон ошеломленно поднялся с кресла, когда Малик ворвался в комнату, и как удивился еще сильнее, когда Малик дважды выстрелил ему в грудь, а затем еще раз в голову. Гравитация там была слабая, пустая обойма медленно упала, вращаясь в воздухе, а тело лениво осело на пол.

Несколько дней спустя он убил Ворона снова, на этот раз на курорте Галатавы. И снова тот казался удивленным. Но с тех пор миссия становилась только сложнее. Железнодорожные войска сообщали, что Ворон не осмеливался пользоваться Морем данных, но каким-то образом он все же получал новости, знал, что за ним идут. Иногда он убегал: Малик помнил, как стрелял Ворону в спину, когда тот бежал по крышам жилых яхт водного города на Ишима Прайм, как вызывал ракетный удар на Кишинчанде, чтобы разгромить стремительно несущийся автомобиль Ворона по горной дороге. Иногда Ворон пытался торговаться и даже предлагал взятки. Поняв, что это не сработает, он начал наносить ответные удары. Убил двух товарищей Малика натяжной миной-ловушкой на Наге, а потом выманил отряд в море гидрата метана в каком-то тупиковом безвоздушном мире, и еще двое погибли в его обжигающе холодных глубинах. На Чама-9 он заразил «Пест-контроль» ужасным вирусом, который разъял брандмауэры поезда и уничтожил его мозг. (На этот раз Малик позаботился о том, чтобы Ворон умирал медленно и мучительно. Он любил этот поезд.)

Вообще, это была просто очередная миссия, но как-то незаметно она приобрела личный оттенок. И не только потому, что Ворон убил товарищей Малика и пытался убить его самого; Малика многие хотели убить, и он не испытывал к ним ненависти за это. Но убивать одного и того же человека снова и снова, видеть одно и то же лицо сквозь прицел то в одном мире, то в другом – Малик словно оказался запертым в кошмарном сне или в какой-то мучительной, без конца повторяющейся игре.

А еще возникло чувство, будто Ворон жульничает. Малик был уже не молод. Тело старело у него на глазах: раны затягивались медленнее, от тяжелых нагрузок болели суставы. Волосы стремительно редели. Он начинал понимать, что жизнь дает нам лишь один шанс, а его жизнь уже наполовину прошла. Но с Вороном все было иначе. Когда он начинал чувствовать, что тело его подводит, просто сбрасывал одну оболочку и создавал нового клона. Когда Малик понял, как много шансов было у Ворона, сколько тел он использовал, убивать противника стало удовольствием.

– Почему все твои тела выглядят одинаково? – спросил он Ворона на Луна Гранде, прежде чем выстрелить в него. – На твоём месте я бы создавал разных клонов. Экспериментировал бы с полом, с цветом кожи.

Ворон ответил:

– Я хотел сохранить индивидуальность. Если бы каждый раз, смотрясь в зеркало, я видел новое лицо, то мог бы забыть, кто я на самом деле.

– Скоро ты станешь никем, – заметил Малик и убил его снова. Это определенно упрощало его задачу, ведь искать нужно было всегда одно и то же лицо. Ворон мог только менять цвет волос и наносить цифровой грим. Рано или поздно Малик его находил.

– Ну почему ты не можешь совершить что-то великое? – посетовал он в тот раз, когда убивал Ворона во время лыжной регаты на Фростфолле. – Ты мог бы изменить хоть что-то. А ты тратишь все свое дополнительное время на игры да развлечения.

– Я пытался кое-что изменить, – сказал Ворон, печально разглядывая отверстия, которые пули Малика только что пробили в его теле. – Потому-то Стражи и послали тебя за мной.

На Ибо он сказал:

– Что бы Стражи ни рассказывали обо мне твоим начальникам, в чем бы меня ни обвиняли – это все ложь.

Но никто так и не сказал Малику, что же натворил Ворон. Ему просто приказали убить его.

Наконец, его отряд направили на Искалан, посадили в космический корабль и запустили в черноту одинокой системы, где находились темные планеты серверов, не отмеченные на картах – дата-центры Стражей. Там же вращался и побитый астероид. Они высадились на нем и коротким путем, через систему взрывозащитных дверей, прошли внутрь комплекса, где в стеклянных гробах, украшенных ледяными узорами, лежали тела.

Малик помнил, как трещал лед под его перчаткой, когда он протирает окошки в крышках гробов. Странно, что такие мелочи навсегда отпечатываются в памяти. Он помнил, как вглядывался сквозь стекла и видел спящего внутри Ворона; лицо, которое он столько раз убивал. Все гробы казались одинаковыми: полки вдоль стен камеры были заставлены сотнями спящих Воронов. Или не спящих, может, просто пока не оживленных. Они попали на склад, где Ворон хранил тела до тех пор, пока они ему не понадобятся.

– Не понимаю, как он вообще умудряется загружать свое «Я» в это, – сказала Лисса Делиус, единственный выживший член первоначальной команды Малика. – Его ведь больше не существует в Море данных. Что загружать? Это всего лишь мясо.

– Железнодорожные войска все равно требуют их уничтожить, – ответил Малик. Но на самом деле это он хотел уничтожить клонов; он хотел, чтобы эти безжизненные прекрасные копии Ворона исчезли все до единой. Они с Лиссой заложили в камере столько зарядов взрывчатки, что их силы хватило бы, чтобы взорвать весь астероид.

Вернувшись на станцию в Искалан, они узнали, что миссия завершена. Что бы ни натворил Ворон, Стражи сочли, что возмездие свершилось. Он наконец-то мертв.

Они скромно отметили это событие в баре на станции, помянули павших товарищей и вспомнили битвы, которые им было больше не с кем обсудить. А потом их разбросало по разным отрядам, и началась другая жизнь. Насколько было известно Малику, никого больше не мучили кошмары. Никто не страдал от чувства, будто что-то осталось незавершенным, будто остались свободные концы. Стражи сказали, что Ворон мертв, – значит, Ворон мертв.

Малик получил повышение. Вступил в брак, купил дом на Центральной станции, завел кота. Но это чувство не исчезало, и во снах он по-прежнему убивал Ворона. Малик развелся, его назначили контролировать поезд дальнего следования, который патрулировал периферийные ветки. И постепенно он начал замечать странные вещи. Один свидетель грабежа на биотехнологической фабрике на Астарте упомянул в своих показаниях высокого бледного мужчину, двумя годами позже другой свидетель видел похожего по описанию человека однажды ночью, когда из депо на Нокомисе полностью пропал груз – строительное оборудование. Обе кражи казались невероятными; системы безопасности, которые должны были их предотвратить, разрушили вирусы, не оставляющие следов, и камеры действий вора не записали.

Ворон был жив. Он убедил Железнодорожников и даже самих Стражей в своей смерти, но последняя его версия не умерла.

Малик ненавидел оставлять дела незаконченными. Он начал собирать любые сведения, которые могли указывать на Ворона, пытаясь найти доказательство, способное убедить других. Но доказательств не находилось: только намеки и недомолвки. Какой-то пьяница на Чангурае

утверждал, что девушка-мото в красном плаще вышла из заблокированного туннеля, ведущего на старую линию Большого Пса. И еще был уличный воришка по имени Зен Старлинг, который заявлял, что впервые слышит о Вороне, а потом испарился.

«Зен Старлинг – моя единственная зацепка, – думал Малик. – Зачем Ворону понадобился простой уличный вор?»

Фотографии парнишки, снятые дроном на Амберсае и в Разломе, были утеряны вместе с поездом, как и прочие обрывки информации, которую удалось собрать бедному Никополу. Малику оставалось полагаться только на собственные воспоминания.

«У Зена есть сестра, работает на фабрике».

Если ему удастся хотя бы узнать, чего Ворон хочет от мальчишки, картинка начнет складываться. И единственный способ сделать это – действовать по старинке: общаться с людьми, соединяя части мозайки воедино.

Он выглянул в окно вагона и в последний раз окинул взглядом изящные башни Центральной станции. Поезд набирал скорость, летя к К-шлюзу, который снова приведет Малика в Разлом.

Глава 13

Следующий день выдался тихим и спокойным. Хаммураби в утреннем небе была такой хрупкой, что Зену казалось, будто он может протянуть руку и дотянуться до нее с собственного балкона. «Прекрасный день для исследования того старого южного виадука», – подумал он, и эта мысль сделала его на удивление счастливым. Он спустился вниз по лестнице, чтобы найти Нову.

Но в столовой его ждали новости от Ворона.

– Зен! Пора отправляться! Собирай багаж. Мы едем в Сурт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.